

АНДРЕЙ
ТРОИЦКИЙ
**ПРЫЖОК
В ТЕМНОТУ**

Шпион особого назначения

Андрей Троицкий
Прыжок в темноту

«Андрей Троицкий»

2005

Троицкий А. Б.

Прыжок в темноту / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2005 — (Шпион особого назначения)

Два оперативных сотрудника ФСБ ведут смертельную схватку с жестокой бандой похитителей людей. Оперативники, не вникая в процессуальные тонкости Уголовного кодекса, действуют на свой страх и риск, частенько сами вступают в конфликт с законом. Не жалея подонков разных мастей, ни самих себя, они ведут настоящую войну, в которой ценой невероятных усилий, оказываются победителями. На стороне бандитов продажные менты, большие деньги и влиятельные покровители. Книга до предела насыщена динамичным действием, погонями и стрельбой, умопомрачительными боевыми сценами. Для тех, кому нравятся настоящие мужчины, которые не тонут в воде и не горят в огне, книга станет настоящим открытием.

© Троицкий А. Б., 2005

© Андрей Троицкий, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Троицкий

Прыжок в темноту

Глава 1

Пригород Краснодара. 2 августа

Вспыхнули красные стоп-сигналы автозака «ЗИЛ», машина остановилась у семафора перед железнодорожными путями и опущенным шлагбаумом. Майор внешней разведки Валерий Колчин, сидевший на заднем сидении «Волги», следовавшей за грузовиком, вытащил из внутреннего кармана носовой платок и промокнул влажный лоб. Двенадцатый час ночи, а изнуряющий зной, висевший над городом, кажется, не пошел на убыль. Впереди такая же жаркая бессонная ночь, которую предстоит провести в поезде «Краснодар – Москва».

В купе номер пять компанию Колчину составят два вооруженных оперативника из центрального аппарата ФСБ и закованный в наручники мужчина, называющий себя Николаем Николаевичем Марковым, предпринимателем, бездетным неженатым мужчиной тридцати восьми лет от роду. В четвертом и шестом купе пассажиров не окажется, их двери будут заперты проводником. Еще два опера станут посменно дежурить за дверью, наблюдать за пассажирами, сообщая старшему группы о подозрительных типах, спящих по коридору. Меры безопасности нужны, чтобы господин Марков добрался до столицы живым.

В Москве, когда поток пассажиров схлынет, и опустевший поезд подадут на запасные пути, подгонят фургон с конвоем, который и доставит Маркова в Лефортовский следственный изолятор. А Колчин отправится в свою квартиру на Симановской набережной, примет душ и отоспится. Нет, пожалуй, сначала он глотнет холодного пива, а уж все остальное потом. Путь от краснодарского СИЗО до Лефортово не такой уж далекий, за годы службы в разведке Колчину выпадали куда более дальние маршруты, но эта поездка казалась бесконечно долгой и утомительной. Наверное, виной всему проклятая жара, застоявшийся воздух и чувство близкой опасности. Это чувство словно соткалось из мрака южной ночи, намертво прилепилось к сердцу и больше не отпускало.

На заднем сидении «Волги» рядом с Колчиным устроился лейтенант Олег Чекалов, молодой оперативник из местного управления ФСБ. Худой белобрысый малый, одетый в недорогой костюм и клетчатую рубашку, он производит впечатление институтского аспиранта, любимца кафедры, выбравшего для кандидатской диссертации какую-нибудь захватывающую тему. Например, «Роль дождевых червей в процессах теплообмена верхнего слоя почвы». Чекалов часто смаргивал веками, высовывал изо рта кончик языка и слизывал с верхней губы капельки пота, коленями он сжимал ствольную коробку укороченного автомата Калашникова, стоявшего между ног. Барабанил пальцами по костяным коленкам, выбивая глухой неприятный звук. Кажется, стучат молотком по крышке гроба.

Колчин подумал, что Чекалов слишком напряжен, его страхи, как дурная болезнь, передаются окружающим людям. Водитель «Волги», немолодой дядька, заскрипев креслом, вытащил сигареты и, приоткрыв дверцу, выдул из себя густую струю табачного дыма. Где-то справа засвистел, приближаясь к переезду, локомотив, уходивший от станции. Через пару минут по стыкам рельс застучали колеса товарняка. Чтобы отвлечься, Колчин принялся считать вагоны, но быстро сбился со счета. Состав оказался длинным, следом за вагонами пошли цистерны с топливом, за ними платформы с гравием и песком.

– Долго до вокзала? – спросил Колчин.

– Это как поедem. Быстро или медленно. Центральную улицу перерыли. Поэтому тащимся по окраине. И еще этот переезд... Тут всегда торчишь подолгу.

– Если не будет встречных поездов, скоро поедem, – вступил в разговор Чекалов. Он говорил высоким петушиным голосом, продолжая терзать автоматный ремень. – Тут часто так бывает. Пойдет товарняк, навстречу электричка, следом за товарняком второй...

Колчин не слушал. Словоохотливость Чекалова выдавала беспокойство. И чего ему тревожиться? Проехаться на казенной машине просто удовольствие. Но сам Чекалов, попавший на оперативную работу в ФСБ всего несколько месяцев назад, наверняка считал эту прогулку важным боевым заданием. И, облажайся он хотя бы в мелочи, завтра перед строем с него сорвут погоны лейтенанта, сунут в руки полосатый жезл и отправят постовым на самый вонючий городской перекресток, где он, станет махать палкой, регулируя уличное движение.

– Волнуешься? – спросил Колчин.

– Немного есть. Этот Марков, как он себя называет, еще тот фрукт. Не случайно же им заинтересовалась разведка. Следователь прокуратуры провел с Марковым шесть допросов. Я читал протоколы. Сплошное вранье. Наше начальство приказало обращаться с Марковым вежливо. Но в Москве вы развяжете ему язык?

– Постараемся, если ты на этом настаиваешь, – усмехнулся Колчин. – И прекрати играть с автоматом. Оружие иногда стреляет.

Чекалов скрестил на груди беспокойные руки.

– Тебе не о чем беспокойся. Скоро сдашь автомат дежурному по оружейной комнате, вернешься домой, к жене.

– Я не женат.

– Не важно. А мне еще ждать, когда состав подадут на перрон, когда поезд забьется пассажирами...

Колчин не успел закончить мысль. У будки стрелочника загудел зуммер, старик в черной железнодорожной фуражке выскочил из двери, в след ушедшего состава сделал отмашку красным флажком и снова побежал к будке. Шлагбаум начал подниматься. Автозак, раскачиваясь, тронулся с места. Водитель «Волги» выплюнув окурок, захлопнул дверцу, машина перекатила железнодорожные пути и поехала следом.

«ЗИЛ» в прежние времена использовали для перевозки хлеба или колбасы, но не граждан, чьи интересы вошли в противоречие с законом. Впоследствии колымагу приспособили для своих нужд сотрудники следственного изолятора. Фургон обшили листовым железом, покрасили свежей светло-зеленой краской, застеклили единственное оконце. Внутреннее помещение надвое разгородили решеткой. Возле задней двери установили мягкое сидение для двух конвоиров. По другую сторону решетки привинтили к полу деревянную скамью без спинки. Сейчас в этой раскаленной консервной банке на колесах Марков, закованный в наручники, чувствует себя не лучше, чем в пыточной камере.

* * *

В поле зрения Внешней разведки этот человек попал случайно. Месяц назад в Краснодаре объявился некто Рамзан Вахаев, объявленный в российский и международный розыск, по сведениям из агентурных источников, причастный к террористическим актам в сопредельных с Чечней республиках. Он остановился в частном доме двоюродной тетки, престарелой бабы, инвалида второй группы по зрению. В местном управлении ФСБ решили пока Вахаева не трогать. За домом установили наблюдение, поставили на прослушку домашний телефон тетки. Но первую неделю Вахаев сидел тихо, телефоном не пользовался, гостей не встречал. Оперативники, выбравшие для наблюдения за объектом скобяную лавку на углу улицы, видели лишь железные ворота и кирпичный забор. Днем и ночью из-за забора слышался лай спущенных с цепи овчарок.

Вахаев выбрался из своего лежбища на девятый день. Поймав частную машину, назвал водителю адрес Центральной гостиницы. В одиннадцать вечера устроился за столиком ночного ресторана на втором этаже, сделал заказ и внимательно выслушал песню про печальную луну, которую с эстрады мурлыкала немолодая певица, облаченная в откровенный купальник бикини, который был маловат женщине на пару размеров. Операм, занявшим три столика в разных концах зала, удалось сделать несколько качественных фотографий. Коротко подстриженные усики, напомаженные до блеска волосы, сшитый на заказ костюм с «искоркой», яркий шелковый галстук с и ботинки с серебряными пряжками. Похож на старшего менеджера галантерейной лавки.

В первом часу ночи за столик Вахаев подсел скромно одетый мужчина славянской наружности, лет сорока, спортивного сложения. Он заказал лангет и большую кружку пива. Разговаривал с Вахаевым минут десять, не больше. Затем проглотил мясо, выпил пива и отчалил. После ухода незнакомца, чеченец тоже засобирался домой, хотя с часу ночи в кабаке начиналось шоу со стриптизом.

Знакомым Вахаева оказался некто Николай Николаевич Марков, проживавший в дешевой гостинице у вокзала. За ним установили наблюдение, выяснили личность. Но тут чекистов ждало разочарование: выходило, что этот тип чист, как уши новорожденного поросенка. Прописан в подмосковных Мытищах, разведен, не судим, в картотеках учета милиции и ФСБ не зарегистрирован. Фотографии Маркова, пальцы, снятые с пивной кружки, и рапорт о его контакте с Вахаевым ушли в центральный аппарат ФСБ. Московские опера выяснили, что по указанному в паспорте адресу в Мытищах действительно проживает Николай Николаевич Марков, дважды разведенный опустившийся на самое дно жизни ханыга тридцати восьми лет. Бездетный, безработный, страдающий несварением желудка и популярной венерической болезнью. Свой паспорт пропил около года назад у шашлычной «Звездный дождь». Ориентировки на человека, выдающего себя за Николая Маркова, ФСБ направила ближайшим «соседям», Службе внешней разведки.

Пока в Москве крутилась бумажная карусель, в Краснодаре Марков и Вахаев встретились среди бела дня в толчее у билетных касс городской автобусной станции. На этот раз Вахаев оделся в линялые джинсы и голубую рубашку, в толпе среди пассажиров ничем не выделялся. На плече спортивная сумка. Марков был одет в тот же недорогой костюм, в котором появился в ресторане. В руках держал черную спортивную сумку, очень похожую на ту, что имел при себе Вахаев. Не пожав друг другу руки, даже не раскланявшись, мужчины, встав в очередь за билетами на Майкоп, незаметно обменялись сумками. Вахаев, обмахиваясь газетой, вышел из душного зала на улицу, поймал попутную машину и уехал к тетке. Через пять минут на воздух вышел Марков. Упал на заднее сидение такси и направился в привокзальную гостиницу.

В номер Маркова чекисты ворвались в десять тридцать вечера, когда он, расплатившись с администратором, паковал чемодан. В черной спортивной сумке обнаружили двести тысяч долларов сотенными купюрами, испанский пистолет «Астра» девятого калибра и две снаряженные обоймы. В пиджаке железнодорожный билет до Москвы на ночной поезд. Маркова, не оказавшего сопротивления, задержали и отправили в изолятор временного содержания ФСБ. На следующий день ему предъявили постановление об аресте и перевезли в местный СИЗО.

Тем же вечером в тот же час началась операция по задержанию Рамзана Вахаева. Жилище перевернули верх дном, обследовали все надворные постройки, гараж, погреб, похожий на бомбоубежище, даже собачьи будки. Но след племянника давно простыл, видимо, он, перемахнув забор, ушел через соседский двор. Вся округа, насколько хватает глаза, застроена частными домами. Спрятаться, оторваться от слежки, опытному боевику раз плюнуть. Почувяв «хвост» еще на автовокзале, Вахаев вернулся к тетке, переоделся, – и ходу. На небе сгустились синие сумерки. Муж Вахаевой Султан неподвижно сидел на пороге кирпичного дома и, смежив веки, молчал, словно накурился дури. Тетка бельмастыми глазами пялилась на опера-

тивников, соседей, понятых, на двух убитых овчарок, валявшихся посередине двора, трясла сухими кулаками и без остановки, как пулемет, шпарила отборными ругательствами, перескакивая с русского языка на чеченский.

Добычу оперов составили туфли Вахаева с серебряными пряжками, фасонистый костюмчик, флакон французского одеколona и шелковый галстук, прожженный сигаретой. Ни наркоты, ни денег, ни оружия, ни записной книжки. Тетку и ее мужа доставили в КПЗ, а наутро отпустили.

Глава 2

Тремя днями раньше.

Москва, Ясенево, штаб-квартира

Службы внешней разведки. 30 июля

– Никуда Вахаев не денется, – сказал на оперативном совещании генерал СВР Антипов. – С ним все ясно, Вахаев убийца и отморозок. Рано или поздно эту мразь пристрелят. А вот что за личность Николай Марков? Похоже, он человек серьезный. Чеченцы трудно расстаются с деньгами. А Марков вскрыл Вахаева на двести тысяч баксов. За какие услуги или товар заплатил Вахаев? Или, передавая деньги, он выступал в роли посредника? Сейчас важно ответить на эти вопросы.

– Отстрел бандюганов и чеченские дела – не наши проблемы, – возразил Колчин. – Этим занимаются милиционеры и ФСБ.

Антипов бросил на стол папку, встал из-за стола, прошелся по кабинету, дожидаясь, когда Колчин и подполковник Беляев, присутствовавший здесь, внимательно рассмотрят полтора десятка фотографий и пролистают досье. На снимках два хорошо одетых мужчины беседуют за ресторанным столиком. Эксперты обработали фотографии на компьютере, улучшили, насколько позволяет возможность, изображение. Но исходное качество карточек паршивое, ракурс неудачный, снимали миниатюрной фотокамерой со слабой разрешающей способностью. Одному из собеседников лет пятьдесят или около того. Вытянутое лицо, седая шевелюра, лобные залысины, коротко подстриженная бородка и усы, носит очки в металлической оправе. Другой человек лет сорока в хорошем костюме.

Снимки сделаны Колчиным полгода назад в Баден – Бадене, в саду ресторана «Станхлбад». Объект наблюдения, тот, что с бородкой, – Роже Огустен, уроженец Алжира, постоянно проживает во Франции. Учился в Сорбонне, юрист. Сносно говорит по-русски. У него легальный бизнес в Париже, это, разумеется, лишь ширма, прикрытие.

Колчин пролистал уже знакомое досье на Роже Огустена. Об этом человеке известно, что он «черный» торговец оружием и боеприпасами. Через своих людей и подставные фирмы покупает и перепродает все, что стреляет. Оружие контрабандой отправляет в Африку и страны Ближнего Востока. По сведениям из тех же агентурных источников, проявлял интерес к российским переносным зенитным ракетным комплексам. Закупить их легально нет возможностей. Значит, Огустен должен искать обходные пути, людей, которые работают на нашем черном рынке. Но достать ПЗРК в России... Это трудновато. Однако Огустен на что-то рассчитывает. Прошлой весной руководство внешней разведки получило информацию, что Огустен станет искать контакты с русскими преступными авторитетами, окопавшимися в Европе.

Проследить контакты Огустена поручили трем разведчикам нелегалам. Кроме того, в операции принял участие Колчин. Весну и начало лета Огустен провел в одной из гостиниц Баден – Бадена. Он вел скромную по тамошним понятиям жизнь, напоминая стареющего светского льва с язвой желудка. Пил минеральную воду из природного источника, вместо светских вечеринок посещал врача, который специализировался на лечении желудочных болезней. Были сделаны сотни снимков Огустена. Вот он беседует с известным французским режиссером, совершает пешую прогулку на природе, обедает в ресторане. Работа проведена большая, но результат нулевой. Среди лиц, с которыми француз вступал в контакт, нет преступных авторитетов из России, никто из этих людей не попадал в оперативную разработку Службы внешней разведки или ФСБ.

В середине июня Огустен улетел во Францию, а Колчин был отозван в Москву. Наверху решили, что француз, отдохнув от парижской жизни и остудив голову, отступился от своей

задумки. Коллекцию фотографий «черного» торговца оружием, сделанную в Баден – Бадене, сдали в архив.

Наверняка об операциях Огустена многое знают в ДГСЕ, французской Службе внешней безопасности. И там на него собрано досье, которое толще этого раз в десять.

Колчин шелестел листками досье. Шесть лет назад в Алжире в окрестностях Орана бесследно исчезли трое французских туристов. Впоследствии выяснилось, что двух женщин и мужчину захватили боевики одного из исламских вооруженных формирований. Похитители удерживали заложников в течение четырех месяцев, назначив астрономический выкуп. По неофициальным данным, французская Служба внешней безопасности вышла на Огустена, шантажом и угрозами принудив его к сотрудничеству. Огустен имеет в Алжире связи среди исламских боевиков. Он включился в работу, вскоре трое туристов оказались на родине. Выкуп за них якобы не выплачивали. На самом деле, Огустен лично заплатил боевикам часть требуемой суммы, порядка миллиона долларов.

С тех пор он получил что-то вроде индульгенции от правительства. Полиция и спецслужбы закрывают глаза на те делишки, которыми он занят. Спустя год история повторилась. Огустена снова привлекли в качестве переговорщика с боевиками алжирской Вооруженной исламской группы (ВИГ), когда они взяли в заложники двух немцев и двух французов, а затем обратились с требованиями о выкупе. На этот раз все прошло не так гладко. Немцев то ли убили, то ли они умерли от голода и болезней, но французы были освобождены.

Сколько раз Огустен принимал участие в подобных акциях – неизвестно. Но Алжиром его поле деятельности не ограничивалось. Он освобождал заложников в Судане. Во время боевых действий в Чечне, так называемой второй войны, дважды бывал на Кавказе. Тогда в плен боевикам попали двое французских врачей. Скорее всего, это были сотрудники разведки, работающие под прикрытием одной из международных гуманитарных организаций. Огустен дважды забирался в горную Чечню. Видимо, ему пришлось задействовать все связи и финансовые возможности. Но врачи оказались на свободе, не пробыв в плену и месяца. Роже Огустена награждают орденом Почетного легиона. Это косвенно свидетельствует о том, что освобождал он не врачей, а профессиональных разведчиков.

С высокой долей вероятности можно сказать, что Огустен лично указывал боевикам на тех лиц, которых следует похитить якобы с целью выкупа. А потом освобождал заложников, взамен получая от правительства Франции гарантии собственной неприкосновенности.

– Почему до сих пор с такими-то заслугами он не гражданин Франции?

– Спецслужбы вполне устраивает нынешний статус, – в разговор вступил подполковник Беляев. – Огустен ни свой, ни чужой. Если он прокалывается на операциях с контрабандой оружия, дело получает огласку. В разведке скажут: он не наш, даже не гражданин нашей страны. Если правительству или ДГСЕ снова понадобятся его связи с боевиками из Алжира, Судана или Чечни, Огустена заставят действовать.

– Так с кем же Огустен сидит за одним столиком в ресторане? – Колчин ткнул пальцем в фотографию.

– В этом весь фокус, – генерал Антипов потер руки. – Личность человека, с которым Огустен беседует в ресторане, установить не удалось. Но есть предположение, что он русский. Наши эксперты поработали с фотографиями из Баден – Бадена и теми снимками, что пришли из Краснодар. С большой долей вероятности можно утверждать, что собеседник Огустена и человек, который называет себя Марковым, – одно и то же лицо. Это предположение. Стопроцентной уверенности нет.

Колчин вздохнул, наклеиваясь отпуск, но это удовольствие придется отложить до лучших времен.

– Ты делал снимки Огустена в том ресторане, тебе и карты в руки, – сказал Антипов.

– Хорошо помню тот день, помню тот кабак. Но собеседник Огустена совершенно выпал из памяти. Этот человек сидел спиной ко мне. Я видел его физиономию мельком. Он выпил бокал минералки и ушел. Ну, перебросился с Огустеном парой фраз. Содержания разговора не знаю. Думаю, что это просто треп на общие темы. Два случайных человека за одним столиком...

– Короче, задача ясна? – прищурился Антипов. – Контрразведчики будут колоть этого Маркова месяц. И не расколют. Для тебя это плевое дело. У тебя большой опыт по этой части.

Антипов поставил крестик на настольном календаре. Крестиков за сегодняшний день набралось двадцать два. Генерал второй месяц бросал курить, но пока не получалось. Следующие пять минут он объяснял цель будущей командировки Колчина в Краснодар. Следственных действий не предпринимать, с лишними вопросами не лезть. Надо установить: человек из Баден – Бадена и заключенный краснодарского СИЗО одно и то же лицо или нет. Если да, на место прибудут оперативники, они доставят задержанного в Лефортово. Билет до Краснодара и командировочное удостоверение на столе дежурного, в приемной.

* * *

Через полутора суток под вечер Колчин сидел в следственном кабинете краснодарской тюрьмы и листал протоколы допросов Маркова, которые проводил следователь городской прокуратуры. Враньем пахло за километр. Марков не утруждал себя сочинительством правдоподобных ответов. Действительно, Марков взял у своего знакомого в долг двести тысяч долларов, чтобы открыть собственное дело, ресторан в одном из спальных районов Москвы. О пистолете «Астра», лежавшем в спортивной сумке, разумеется, ничего не знал. Увидел пушку, когда расстегнул «молнию», вывалил пачки долларов на кровать в гостиничном номере, чтобы пересчитать. Он никогда не держал в руках оружие, даже не знал, как пользоваться пистолетом.

«Вопрос: Имя знакомого, одолжившего вам крупную сумму в валюте, Рамзан Вахаев?»
Ответ: «Мне он известен как Руслан Табоев. Кажется, занимается, оптовыми поставками в Москву ранних овощей». Вопрос: «Где, когда, при каких обстоятельствах вы познакомились?»
Ответ: «Года три-четыре назад, в Нальчике. Сидели в одном ресторане, разговорились, ну, слово за слово». Вопрос: «Значит, вы случайные знакомые? Чем объясняется его щедрость? Двести тысяч долларов огромные деньги». Ответ: «Это не щедрость, а бизнес. Я оставил Руслану расписку. Он знает, где меня найти. Он мне доверяет. А деньги я вернул бы с процентами».

Вопрос: «Паспорт, которым вы пользуетесь, выдавая себя за Николая Николаевича Маркова, подложный. При каких обстоятельствах он попал к вам?» Ответ: «Купил на толкучке в Армавире. Мне помогли вклеить новую фотографию. Имен людей, у которых я купил документ, не знаю. Но их внешность смогу описать. И вот еще... Хочу сделать одно пояснение. Моя фамилия действительно Марков. Это простое совпадение. А вот имя и отчество другое. Сергей Иванович. Родился в пригороде Караганды тридцать семь лет назад, второго января. Мать работала откатчицей на шахте. Она погибла в результате несчастного случая. Попала под груженую углем вагонетку, которую спустили с горки. Мне тогда едва восемнадцать стукнуло. Вырос без отца. Закончил десять классов, горный техникум. В армию не взяли, потому что заболел туберкулезом. Лечился два года. По специальности, учетчиком на шахте имени Кирова, работал шесть лет. В последние годы занимаюсь мелкой торговлей. У нас в Казахстане денег не сделаешь, народ слишком бедный. Поэтому мотаюсь по России».

Вопрос: «Чем именно вы зарабатываете на жизнь?» Ответ: «А чем другие зарабатывают? Здесь купил, там продал... На хлеб с маслом хватает. Хотел получить российское гражданство, но эта канитель на годы растянется. Купил паспорт, чтобы начать свое дело. Я об этом всю жизнь мечтал. Осесть в столице и хозяйничать в своем ресторане. Но без паспорта ничего не

получится. Я понимаю, что, воспользовавшись подложными документами... Свою вину признаю полностью. И готов понести суровое, но справедливое наказание. Надеюсь, дело ограничится штрафом».

И дальше все в том же роде. Марков врал, врал и снова врал. Язык без костей и хорошо подвешен. В Караганду направили запрос, но ответа ждать долго. Кажется, этот тип просто тянул время. Но с какой целью? Разгадка на поверхности: Марков неплохо знает законы. Он расскажет одну жалостливую сказку, на ее проверку уйдет время. Затем придумает что-нибудь новенькое. Родился на Украине, рос без отца, мать погибла в результате несчастного случая. Во время сбора подсолнечника в поле на нее наехал трактор. В армии не служил, потому что врачи обнаружили защемление паховой грыжи. Лечился, трудился в сельхозкооперативе, зарабатывая на кусок хлеба с маслом, потом занялся мелким бизнесом...

Когда проверят и эту басню, начнет симулировать слабоумие или шизофрению. Назначат психиатрическую экспертизу, которая признает Маркова здоровым. Потом, как из-под земли появится неизвестно кем нанятый адвокат, который начнет давать умные советы и качать права. А там закончится срок следствия. Судья не выдаст санкцию на его продление. Может быть, клиента можно упрятать за решетку за хранение оружие. Еще вопрос, удастся ли доказать в суде этот эпизод.

* * *

Марков переступил порог следственного кабинета. Несвежая рубашка, провонявшая потом, мятые штаны. Он выглядел усталым, под глазами залегли тени, от кофейного загара не осталось следа. Две с половиной недели, проведенные в общей камере, горячей и душной, как крематорий, не пошли на пользу здоровью. Колчин усадил Маркова на привинченный к полу стул, развернул перед его носом удостоверение следователя городской прокуратуры Самохина Ивана Ильича.

– Время отпусков, – сказал Колчин и, включив верхний свет, уселся за стол. – Теперь вашим делом буду заниматься я. Временно.

Марков вытер нос кулаком и кивнул.

– Курите? – спросил Колчин и положил на стол пачку «Примы» и спички.

– Наши прокурорские работники в прошлом году ездили в Европу, – сказал он. – Ну, вроде как по обмену опытом.

– Вот как? – усмехнувшись, Марков прикурил сигарету. – Значит, ума набирались? Похвально. Лично я это только приветствую.

– Я не о том, – не заметил иронии Колчин. – Во многих европейских тюрьмах заключенным разрешают курить сигареты с фильтром. Тамошним энкам просто в голову не приходит, что из сигаретного фильтра, если его поджечь и раздавить каблуком, получится холодное оружие. Что-то вроде пистика или бритвенного лезвия. Этой штукой можно порезать сокамерника или вскрыть себе вены.

– Отсталая Европа, – ответил Марков. – До таких вещей там еще не додумались. У них все впереди.

– В камере не очень жарко? – спросил Колчин.

– Не очень. Температура всего лишь градусов на десять-пятнадцать выше, чем в этом кабинете. И воняет, как на помойке. Но жить можно и в стадных условиях.

Колчин наклонился под стол, вытащил большую бутылку минеральной воды, доверху наполнил два пластиковых стаканчика.

– Пейте, разлито в Карловых Варах, – сказал он. – Всегда держу при себе, потому что у меня повышенная кислотность.

Марков, немного удивленный странной манерой следователя вести допросы, поднял стаканчик, внимательно посмотрел на пузырьки, принюхался, словно хотел убедиться, что жидкость – не керосин, а простая минералка. Он сделал глоток.

– Вообще-то самую лучшую минеральную воду в Европе разливают в Баден – Бадене, – сказал Колчин.

Стаканчик дрогнул в руке Маркова, вода едва не расплескалась.

– Там пили воду особы царских кровей, – продолжил Колчин. – Очень дорогой город.

– Баден – Баден? – переспросил Марков и поставил недопитый стаканчик на стол. – Это, кажется, в Швейцарии?

– Это в Германии, – улыбка сошла с лица Колчина. – Вам ли не знать такие вещи. Этим фотографиям полгода.

Он открыл папку, привстал с кресла и положил на стол перед Марковым три самые удачные карточки.

– Действительно, немного похож на меня, – Марков ткнул пальцем в одну из фотографий, почесал кончик носа. – Да, что-то есть общее... Но я не бывал в Баден – Бадене. Я вообще за границу никогда не выезжал.

– Вот как? Но в Германии тебя хорошо запомнили. Ты так сорил деньгами, будто в жизни больше не будет случая их потратить.

– Вы, гражданин начальник, ошибаетесь. У меня никогда не было такого шикарного костюма. И перстня тоже. Я только мечтал о таких вещах. Ведь это перстень, ну, на пальце у этого человека?

– Я не знаю, – Колчин вызвал конвой.

Через полчаса по закрытой линии он связался со штаб-квартирой Службы внешней разведки.

– Это тот самый человек, которым мы интересовались, – сказал он в трубку.

– Не ошибся? – переспросил Антипов.

– Сто процентов – это он.

– Хорошо. Отдыхай в гостинице. Тебе дадут знать, когда придут парни из ФСБ, чтобы доставить Маркова к нам.

Глава 3

Пригород Краснодара. 2 августа

«Волга», пристроившись за «ЗИЛом», ползла по дороге в две полосы, путь пролегал по темным улочкам, застроенным частными домами. Заборы, заборы... На обочинах пирамидальные тополя, подпирающие острыми кронами звездное небо. Редкие автомобили, попадавшие навстречу, слепили фарами. Водитель потыкал пальцами в панель магнитолы, на волне городской радиостанции транслировали концерт «Эй, товарищ, больше жизни» из местного Дворца культуры. Бравурная музыка, почему-то не бодрила, а убаюкивала. Самодеятельный певец, сбиваясь с ритма, натужно кричал в микрофон: «эх» и «эх, хорошо», начиная с этих восклицаний каждый новый куплет. Наконец голос смолк, раздались жидкие аплодисменты. Оперативник Чекалов сунул в рот мятную таблетку, кажется, его мутило от духоты, запаха бензина.

– Люблю живую музыку, не фанеру, – сказал водитель. – К нам тут приезжал один столичный гастролер. Жена вытянула меня на концерт. За кулисами завели пластинку, а этот хмырь прыгает и только рот открывает. И за что, спрашивается, я деньги платил?

Кажется, он хотел что-то добавить, развить мысль. Но идущий впереди «ЗИЛ» неожиданно сбавил скорость, двигатель чихнул, фургон съехал на обочину и остановился. «Волга» тоже тормознула у обочины, встала метрах в десяти заднего бампера от грузовика. Колчин машинально глянул на светящийся в темноте циферблат наручных часов: одиннадцать тридцать пять. Водитель автозака выбрал для остановки не лучшее время и место. Густая южная ночь. По обеим сторонам двухрядной дороги глубокие канавы, за ними полосы земли. Крыши одноэтажных частных домов, ни прохожих, ни огонька в окнах. Только ветер треплет кроны деревьев.

Фары выхватывали из темноты зеленый кузов грузовика, закрывавший обзор, номерной знак под слоем пыли, короткий отрезок дороги, разделявший машины. Колчин услышал сухие хлопки, будто где-то вдалеке дети баловались с петардами. Откинув корпус назад, правой рукой схватил Чекалова за шею, с силой дернул на себя и повалил вниз на диван. Сам упал сверху, придавив оперативника торсом. В следующее мгновение автоматная очередь прошла лобовое стекло.

* * *

Водитель, вскрикнул, навалился на баранку и начал медленно, сантиметр за сантиметром, сползать вниз. Две пули прошли грудь навывлет и застряли в спинке сидения. Низко загудел клаксон. Снова послышался сухой треск. Разлетелось заднее стекло, салон засыпали мелкие осколки. Чекалов, вырвавшись из объятий Колчина, встал коленями на резиновый коврик, согнулся в три погибели. Снял автомат с предохранителя и передернул затвор.

Колчин выдернул из подплечной кобуры пистолет, приподнял голову, прикидывая, как ловчее сдвинуть с места мертвого водителя и самому перебраться на его место. Автоматная очередь ударила в моторный отсек «Волги», полоснула по передним колесам. Лопнули покрышки, включенный двигатель захлебнулся и заглох, над радиатором поплыл дымок. Уйти из-под огня на колесах не удастся.

– Прыгай в кювет, – скомандовал Колчин. – Иначе нас тут положат.

Чекалов смотрел на Колчина стеклянными глазами. Кажется, он не понимал, что нужно делать. Пули прошли крышу «Волги», ударили в переднюю дверцу, сбили зеркальце заднего вида. Через секунду зазвенели разбитые пулями фары. В наступившей темноте, сверкали белки

глаз Чекалова. Он подавился мятной таблеткой и закашлял. Пальба смолкла, видимо, стрелок перезаряжал автомат. В салоне «Волги» продолжала играть музыка, эстрадный певец затянул старинную казачью песню, переложенную на современный лад.

– Черт, тебя подери.

Колчин рванулся к левой дверце, подмяв под себя впавшего в ступор Чекалова. Дернул ручку. Он выпал из машины, ухватив Чекалова за рукав пиджака, потащил за собой. Глянув вверх, Колчин хотел понять, что происходит вокруг автозака. Успел заметить, как по черному небу чирикнул язычок пламени, это в сторону «Волги» летела бутылка с горящим фитилем в горлышке.

Люди покатались вниз по склону глубокой канавы, прорытой вдоль обочины. Бутылка ударилась в пробитое пулями лобовое стекло, раскололась. Жидкость, солярка, смешанная с бензином, разлилась по капоту, попала в салон машины. Над «Волгой» поплыл черный дым. Кверху поднялись языки пламени. Вторая бутылка, не долетев до цели, разбилась о бампер, жидкость разлилась по асфальту, вспыхнула. Промедли Колчин еще пару секунд там, в салоне, и они с Чекаловым уже горели заживо. Колчин полез во внутренний карман, на дне которого лежала трубка мобильного телефона. Нажал красную кнопку, но дисплей почему-то не загорелся. Наверное, телефон повредили в машине или он разбился, когда Колчин тяжело приземлился на дно канавы. Так и есть, на корпусе телефона узкая трещина.

Где-то совсем близко разлетелась третья бутылка. Колчин услышал звук удара стекла о какую-то железяку. Держа пистолет в левой руке, пополз вверх по склону, высунул голову, лицо обдало жаркой волной. Огонь совсем близко, Колчин оказался по эту сторону дороги с наветренной стороны, дым и чад прямо в лицо, за их плотной завесой трудно что-то разглядеть. Кажется, задняя дверца автозака распахнута настежь, а в кузов лезет какой-то человек. Или вылезает оттуда? Колчин снова покатался вниз. На дне канавы, задрав кверху ствол автомата, сидел Чекалов, его взгляд сделался осмысленным.

Кажется, он пришел в себя. Правда, позиция не самая лучшая. В пяти метрах за канавой начинается глухой деревянный забор, калитки не видно, поверху забора тянутся нитки колючей проволоки. Если захочешь перемахнуть препятствие, оставишь на колючке не только клочья одежды, но и ошметки собственной плоти: кожи и мяса.

Пространства для отхода нет, ближайшее дерево, за толстым стволом которого можно укрыться от пуль, далеко впереди. Если бы нападавшие очень захотели их грохнуть, то сделали бы это легко и элегантно. Вся надежда, что бандиты проглядели тот момент, когда Колчин и Чекалов выбрались через заднюю дверцу «Волги». Где-то наверху слышались человеческие голоса, короткие оклики и ругательства. Один за другим грянули три одиночных выстрела, короткая автоматная очередь. Еще через пару секунд, взорвался бензобак «Волги», взрывная волна едва не сбросила тяжелую машину с дороги. Отлетела крышка багажника. Описав в воздухе замысловатую дугу, приземлились где-то за забором на другой стороне, уже на излете срезала под корень молодую яблоню.

– Обойди «Волгу» с той стороны, – скомандовал Колчин. – Действуй по обстановке. Но не суйся под пули.

В глазах Чекалова светились оранжевые огоньки.

* * *

Колчин побежал по дну канавы вперед, туда, где маячил темный абрис автозака. Проскочив грузовик, на секунду остановился, посмотрел на часы. Одиннадцать тридцать восемь, с момента нападения на конвой прошло три минуты. Всего-то... Упав на живот, дополз до верхнего края. Теперь виден передок «ЗИЛа», продырявленное пулями лобовое стекло. А пассажиры «Волги» даже не слышали первых выстрелов. Ясно, в салоне на всю катушку орало

радио. Видимо, нападавшие выпустили автоматную очередь по кабине грузовика, уложив водителя. За автозаком, на встречной полосе дороги, стояла, прижавшись к обочине, «девятка» с затемненными стеклами. Колчин выключил предохранитель пистолета, оттолкнувшись свободной рукой от земли, вскочил на ноги.

Сквозь завесу дыма он видел, как задняя дверца «девятки» распахнулась, кто-то открыл ее изнутри машины, два мужчины выбежали из темноты, упали на сидение. Колчин, сделав вперед пару шагов, выстрелил. Четыре пули, выпущенные одна за другой, разбили заднее и боковое стекла. В ответ из салона полоснула автоматная очередь, Колчин, выбросив вперед руки, упал на горячий асфальт. Откатился в сторону, перевернувшись с живота на спину и обратно на живот. Пули просвистели головой. Теперь, на плоской дороге, он хорошая мишень для автоматчика. Обхватив рукоятку пистолета обеими ладонями, он выпустил по машине еще четыре пули. И снова перевернулся с живота на спину. «Девятка» сорвалась с места, проскочила полосу огня, разлившуюся на обе полосы дороги, но тут неожиданно остановилась.

Грянула одна автоматная очередь, затем другая. Снова пальнули из автомата. Выстрелы смолкли, послышался визг покрышек. Колчин поднялся на ноги, выскочил на дорогу, но машины уже не было. Не видя цели, Колчин вскинул руку и выстрелил на звук удаляющегося автомобильного двигателя, кажется, промазал. Он вскочил на подножку «ЗИЛа», дернул на себя дверь. За рулем сидел старший сержант в кителе защитного цвета. Казалось, человек, откинув голову назад, спит и видит во сне что-то милое сердцу. Но из-под козырька фуражки, закрывающей глаза и нос, сочился кровавый ручеек. Колчин расстегнул ворот кителя, нащупал на шее сонную артерию. Сердце не билось. Спрыгнув вниз, он обогнул «ЗИЛ» по обочине. Дверь в грузовое отделение распахнута настежь.

Схватившись за поручень, Колчин забрался в фургон, споткнулся о ноги лежавшего на полу человека. Мужчина в военной форме с погонами младшего лейтенанта обхватил грудь руками, будто в самый неподходящий момент его сразила не пуля, а жестокий сердечный приступ. Под лавкой валялся автомат, фуражка и китайский термос с разбитым горлышком, по доскам разлилась лужа крови и крепкий чай. Лейтенант не успел оказать сопротивления, ему выстрелили в грудь. Ясно, преступники, отбившие Маркова, как говорят эки, склеили на лапу одного из конвоиров. Дверь фургона открывается изнутри специальным ключом, который находится у старшего по званию.

Клетка, где сидел Марков, пуста. Прутья не перекусывали пневматическими ножницами, дверь, сваренную из арматурных прутьев, открыли ключом. Когда раздалась первая автоматная очередь, и фургон съехал на обочину, купленный конвоир, пристрелил своего сослуживца, обшарил карманы лейтенанта. Открыл клетку, наружную дверь, выпустил Маркова. И уехал на одной машине с бандитами.

Колчин вылез из фургона, впереди на дороге он видел лишь огонь и черный остов пылающей «Волги».

– Чекалов, – крикнул он. – Лейтенант, где ты?

Ни ответа, ни приветия. Колчин посмотрел на часы: сорок одна минута двенадцатого. Шесть минут, как бандиты напали на конвой. За это время на дороге не показалась ни одна машина. Возможно, железнодорожный переезд снова перекрыли, и теперь с той стороны никто не подъедет. Но почему машины не двигаются к железнодорожным путям? Возможно, видят пожар издали и сворачивают в сторону, объезжают опасное место. Шесть минут... Телефон испорчен. У бандитов приличная фора во времени. Или они заранее подготовили в самом Краснодаре нору, в которую заползут и отсидаются пару недель, пока на дорогах милиционеры будут шмонать все проезжающие машины.

Спрыгнув в овраг, Колчин обошел пожар на дороге и увидел Чекалова. Он лежал на асфальте, разбросав руки по сторонам, лежал совсем близко от огня. Волосы на голове горели, правая штанина, готовая вспыхнуть, пускала серый дымок. Сорвав с себя пиджак, Колчин

повалился на колени, накрыл голову Чекалова, сбивая огонь. Затем, ухватив лейтенанта за плечи, оттащил в сторону, подальше от пламени. По воздуху летали хлопья пепла, глаза слезились. Выпрямившись, Колчин увидел, что внизу у забора стоит старик в белой майке без рукавов. Выскочив из калитки, к старику подлетела девушка в пестром сарафане, встала рядом и, подражая деду, открыла рот. Колчин, пряча подплечную кобуру и пистолет, натянул пиджак.

– У вас телефон есть? – крикнул он.

– Чего, не слышу.

Старик сделал неуверенный шаг вперед. Идти дальше побоялся.

– Телефон имеется? – еще громче заорал Колчин и закашлялся от дыма. – Телефон.

Девушка продолжала хранить молчание.

– Чего тебе?

– Телефон есть, дубина старая?

– Нету, – обиделся дед и снова отступил к забору. – Тут ни у кого нету.

– Тогда воды принеси ведро. Тут человек раненый...

– Сам ругается, а ему воды неси, – дед не двинулся с места.

* * *

Колчин хотел покрыть старика матом, но слова застряли в горле. От переезда двигалась легковая машина с включенными фарами. Колчин побежал навстречу автомобилю, отчаянно размахивая руками. Водитель светлой «Нексии» притормозил, он наблюдал за человеком, бегущем навстречу по дороге, разглядывал горящую «Волгу», несколько секунд о чем-то раздумывал. Затем врубил заднюю передачу, вывернул руль, задом подал машину к обочине, чтобы развернуться и дать по газам. Но Колчин, понимая, что этот шанс упускать нельзя, с разбегу прыгнул на капот, прижал лицо к ветровому стеклу, одной рукой схватился за зеркальце.

– Ты что, озверел? – заорал водитель и остановил машину. – Совсем рехнулся, идиот чертов?

Спрыгнув с капота, Колчин распахнул переднюю пассажирскую дверцу, упал на сидение, сунул в нос водителя красную книжечку.

– Езжай вперед, – приказал он.

Водитель, не разобравший, что за удостоверение ему суют, проехал два десятка метров, до тела, лежащего поперек дороги. Помог Колчину затащить раненого на заднее сидение, сам сел за руль, дрожащей рукой вставил ключ в замок зажигания. Включил верхний свет, оглянулся назад. И тут все страхи развеялись, как утренний туман. Водитель увидел, что подушки и спинка заднего дивана перепачканы кровью.

– У меня новая машина, – низкий голос автолюбителя сорвался на фальцет. – На ней муха не сидела. А этот гад испортит весь салон. Да я на вас...

– Заткнись, тварь, – заорал Колчин. – Я тебе всю жизнь испорчу, если мы через пять минут не будем в больнице.

– Я протестую... Я человек, я гражданин этой страны. Имею право...

– Имеешь право сдохнуть. Через секунду.

Вытащив пистолет, он с силой ткнул стволом в шею автолюбителя. Мужчина, поморщившись от боли, снова оглянулся назад. Посмотрел на закопченное дымом лицо Колчина, заглянул в белые от ярости глаза и тут же понял, что угроза убийством, – не пустой звук. Машина рванулась вперед, с ускорением понеслась по дороге.

– Впереди переезд.

– Знаю. На ту сторону путей нам не надо.

Из-под колес едва успел выскочить зазевавшийся в темноте пьяный, переходивший улицу. На повороте тонко запели покрывки, кузов дал крен влево, «Нексия» вылетела на

встречную полосу. Резко вильнула вправо, чудом избежав лобового столкновения с темной «Нивой». Водитель сумел выровнять машину, впереди лежала прямая освещенная дорога. Не сбавляя хода, проскочили перекресток на красный свет.

– Жми, – то и дело повторял Колчин. – Ну, давай, жми.

Чекалов лежал на заднем диване, согнув ноги, головой на коленях Колчина. Хрипел и пускал из открытого рта кровавую слюну. Когда машину сильно трясло, кровотечение усиливалось. Горелые волосы, казалось, еще дымились, справа над ухом образовалась розовая проплешина размером с кулак, голая кожа вздулась, пошла пузырями. Такие же пузыри вылезли на лбу, щеках и шее. Брюки, рубашка на груди и животе пропитались кровью. Колчин стащил с Чекалова пиджак, разорвал рубашку от ворота до пупа. По салону разлетелись пуговицы.

Два входных отверстия от пуль, одно с правой стороны груди, на уровне сердца, другое в животе, ниже печени. Чекалов, выскочив на дорогу из укрытия, пытался остановить «девятку», но из машины, вылетевшей из огня, ударила автоматная очередь. Возможно, стреляли через лобовое стекло. Уже раненый Чекалов выпустил в ответ две короткие очереди. Ноги подломились, он выронил автомат, упал. Колчин надвое разорвал носовой платок, скрутил узкую полоску ткани и заткнул ей входное пулевое отверстие на груди. Больше помочь нечем. Кровотечение из живота не успокаивалось.

– Только не вырубайся, – крикнул Колчин. – Скоро будем в больнице. Ты слышишь меня? Понимаешь? Ты меня понимаешь?

Чекалов открыл глаза, наполненные предсмертной тоской.

– Понимаю, – прошептал он. – Кажется, я того... Черт. Я умираю.

– Не выдумывай, – крикнул Колчин. – Ты не умрешь от пули. Ты перепробуешь все удовольствия жизни. Умрешь в качалке у камина. Девяностолетним стариком. Умрешь от скуки.

Машина сделала еще несколько крытых виражей, через распахнутые ворота влетела на территорию больницы. Попетляв между корпусами, увидели освещенную табличку «приемный покой», «Нексия» взлетела на пандус, остановилась перед дверями, едва не протаранив бампером, стоящий впереди микроавтобус «скорой помощи» с красной полосой на кузове. Колчин вбежал в дверь, остановился, соображая, где искать дежурного врача. Впереди прямой освещенный коридор, все двери закрыты.

– Эй, есть кто-нибудь? Здесь тяжело раненный.

Колчин обернулся, услышав за спиной шорох. Мужчина средних лет в халате с засученными рукавами, надетым на голое тело, вышел из комнаты. Встал, скрестив руки на груди.

– Это вы раненый? Что случилось?

Врач, прищурив глаза, посмотрел в темное от копоти лицо посетителя. Перевел взгляд на брюки и пиджак, перепачканные кровью, на рубашку, покрытую бурыми пятнами, стараясь определить место и характер ранения.

– Раненый в машине, – Колчин развернул удостоверение. – Офицер ФСБ пострадал в перестрелке с бандитами.

– А вы целы?

– Я-то цел, – Колчин терял терпение.

– Тогда посмотрите на левое плечо.

Колчин приподнял руку. Левый рукав пиджака, насквозь пропитанный кровью, сделался тяжелым, будто за подкладку положили пару свинцовых пластин. Горячие капли падали на кафельный пол с кончиков пальцев. Врач шагнул вперед, помог стащить пиджак. Кровавый рукав рубашки, разорванный от плеча до локтя, прилип к коже. Автоматная пуля чирикнула по мягким тканям, когда Колчин, лежа на асфальте, стрелял в «девятку».

– Господи... Даже не заметил. Это ерунда, царапина.

– Вы так думаете? – прищурившись, врач покачал головой. – Ерунда? О заражении крови вы когда-нибудь слышали? В любом случае нужно наложить швы и сделать уколы.

– Это позже. В машине человек кровью истекает. Где тут каталка?

Глава 4

На дальней городской окраине в полуподвале дома стояла удушающая жара, застоявшийся воздух наполнен пылью. Полудохлая лампочка освещала комнатенку с земляным полом, железную кровать без матраса, колченогий стол, раковину в пятнах ржавчины, глиняные стены, кое-как побеленные известью. Марков, встав у раковины, скоблил бритвой трехдневную щетину, стараясь не порезаться опасной бритвой. Он уже успел скинуть с себя задушенные от грязи и пота лохмотья, помылся, переделся в темные полотняные штаны, простую рубаху и ядовито желтые сандалии местного производства. На запястье руки нацепил часы «Восход» на потертом ремешке. Теперь он напоминал простого работягу, строителя или, или, бери выше, бригадира рыболовецкой артели.

В заднем кармане брюк лежали водительские права и паспорт на имя Сергея Павловича Кубаченко, прописанного в Темрюке, рыбацком поселке на берегу моря. В паспорт вложены две цветные фотографии: на первой женщина неопределенных лет в линялом ситцевом платье сидит на пороге саманного домика. На другой карточке двое сопливых детей копались в песке на фоне рыбацкой сети, вывешенной для просушки. В том случае если менты, тормознув его на трассе или глухом перекрестке, спросят документы, сначала они увидят карточки женщины и детей, с которыми рыбак из Темрюка не расстанется ни на минуту. Мелочь, но такие сентиментальные штучки всегда расслабляют, притупляют бдительность. Уловка нехитрая, но она действует.

Марков посмотрел на свое отражение в зеркальце. Не вредно подстричься и перекрасить волосы, но на эти манипуляции не осталось времени. Менты наверняка начали какой-нибудь план «Перехват» или операцию «Тайфун», передали на все стационарные посты, всем экипажам патрульных машин приметы Маркова, самые общие, неопределенные. И теперь с сознанием выполненного долга ждут результатов. Ну-ну...

Не садясь за стол, он вытащил из миски холодную котлету, взял кусок хлеба, прикончил бутерброд в два укуса. Зачерпнул кружку воды из ведра и, утолив жажду, натянул куций пиджачишко, жавший в плечах, и серую кепку шестиклинку. Выбрался наверх по лесенке с осыпавшимися ступенями. На темном дворе возле мотоцикла «Урал» с коляской стояли двое кавказцев и тихо разговаривали. При появлении Маркова беседа оборвалась. Хозяин дома турок месхетинец Сандро зарабатывал в основном перепродажей краденого, но, когда подворачивались опасные дела, не отказывался и от них. Второй человек – Омар, ближайший помощник Вахаева, чеченец с фигурой атлета и точеным, словно выбитым на медали, лицом.

– Все в порядке? – Омар говорил по-русски чисто. Он оглядел Маркова с головы до ног и кивнул головой. – Паспорт не забыл? Вот возьми. Тут немного, но на первое время хватит.

Марков сунул во внутренний карман пачку денег, перехваченную резинкой. Суевливо всплеснув руками, Сандро, убежал в темноту двора, через минуту снова появился, он держал в руках пушку, завернутую в несвежую тряпицу. Ствол может стать последним аргументом в любом разговоре. Марков развернул тряпку, рассовал по карманам две запасные обоймы. Внимательно осмотрел ТТ, проверил, снаряжена ли обойма в рукоятке, передернул затвор, досылая патрон в патронник. Если оружие не готово к бою, от него никакого толку. Хозяин кивал головой, как индийский болванчик, и скалил зубы. Сандро сунул оружие на дно коляски, сверху прикрыл его резиновым ковриком и снова убежал в темноту. Притащил два джутовых мешка, набитых сушеными бычками, запихал их в коляску. Поставив мешки стоймя, прикрыл козухом.

– Вы ездили на рынок из Темрюка, – сказал Сандро. – Продали один мешок, рыбы продали. Вы едите не в Темрюк, а к сестре в Тимашевск. Возможно, там рыба пойдет лучше. Когда выедете, поворачивайте направо. До конца улицы. Там снова направо и...

Сандро побежал к воротам, распахнул створки. Марков тряхнул руку Омара. Забравшись в седло, завел мотоцикл, медленно вырулил со двора, свернул направо и включил фару.

* * *

«Урал» тахтел, как подбитый аэроплан. Ясно, на этой машине звукового барьера не преодолеешь, в голову лезли глупейшие мысли о разгонной динамике мотоцикла, подборе передаточных чисел и максимальной скорости, которую можно выжать из этой рухляди. Зато у тормозов мертвая хватка, когда приходилось сбрасывать газ на поворотах, мотоцикл реагировал мгновенно, чтобы не перелететь через руль, Марков упирался в него изо всех сил, словно штангу выжимал. Выбравшись окольными путями из города, выехав на асфальт шоссе, «Урал» неожиданно покатил легко и быстро. Марков нахлобучил на глаза козырек кепки. Теперь он видел лишь крошечную темноту вокруг и узкую полоску шоссе, попадающую в желтый световой круг. Столбы на обочинах пролетали мимо, ветер свистел в ушах.

Марков думал о том, что сегодня – его день. Все прошло гладко. Ну, почти гладко. Омар и его помощник Руслан, обстрелявшие из автоматов автозак и «волгу» сопровождения, забросав легковушку бутылками с горючкой, были уверены, что в салоне одни трупы. Когда в автозаке прапорщик Голутвин пристрелил младшего лейтенанта, открыл двери и снял с Маркова стальные браслеты, «Волга» горела, как факел. Все участники дела сели в «девятку», с тыла неожиданно ударили пистолетные выстрелы. Руслану, сидевшему с края, у левой задней дверцы, пули прошили шею и затылок. Затем, когда «девятка» проскочила полосу огня, на дороге возник какой-то тип в гражданском костюме с автоматом наперевес. Он уже вскинул ствол, когда «девятка» снова тормознула и Омар, взяв человека на мушку, выпустил очередь через лобовое стекло. Раненый в живот, человек пальнул в ответ, Омар дал вторую очередь.

Через четверть часа они оказались на каком-то пустыре, кажется, здесь собирались начать строительство большого дома, земля перекопана вдоль и поперек. Виден абрис грейдера и тяжелого экскаватора, за спиной светились огни города. Омар нашел в багажнике саперную лопатку и начал копать могилу. Можно было не тратить время на эту возню, сжечь труп вместе с машиной. «У нас нет времени», – сказал Марков. Омар отрицательно помотал головой: «Он мне был как брат. Я похороню Руслана в земле».

Вытащил из салона еще теплое тело, уложили в неглубокую могилу, вместе, торопясь, кое-как закидали труп песком. Особенно усердствовал сержант Голутвин, видимо, полагая, что за земляные работы ему выдадут премиальные в голубом конвертике с голубками. Снова сели в машину, отъехали метров двести-триста в сторону. «Стой, – сказал Омар водителю. – Солдат, выйди на минуту».

Голутвин, так и не поняв, почему они остановились, и что произойдет в ближайшую минуту, распахнул дверцу, выбрался из машины. Четыре дня назад он получил от Омара приличные деньги, часть суммы заныкал в укромном месте, вторую часть положил в сберкассу, открыв валютный счет. Книжку на предъявителя передал любовнице, юной продавщице бакалейного отдела, единственному человеку на свете, которому доверял. Голутвин искренне полагал, что распорядился деньгами очень умно и, главное, хитро. Менты, которые пойдут по его следу, не найдут доллары даже с собаками. Сегодня он испачкался кровью, пришив в автозаке офицера, но дело того стоило, хоть людская кровь и не водица.

Впереди маячила сладкая жизнь, нарисованная солдатским воображением: теплое море, холодное шампанское «Искра», шикарный гостиничный номер с круглой кроватью посередине, застеленной тигровым покрывалом. Такие кровати он видел на журнальных картинках и по телеку. И еще ванна, пускающая пузырьки. А дальше отъезд из страны по заграничному паспорту, который обещал сделать Омар. Короткий отдых на турецком побережье, а затем – прямой наводкой на Кипр, где Голутвин присмотрит недорогой домик у моря. Он окончательно

забудет вкус тройного одеколона и шмурдяка, который привык лакать, подписав трехгодичный контракт на службу во внутренних войсках. Забудет вкус прогорклого масла, перележавшего на складе все сроки годности, столовку, кишашую крысами.

Надоела казенная комната, мелкие приработки, когда удавалось втридорога на свой страх и риск сбывать подследственным чай или водяру, надоело тупое офицерье и зековское отребье. В своей новой жизни он станет выращивать виноград и баловаться свежим молодым вином из собственного погреба. Выпишет к себе любовницу, а дальше... Дальше он еще не придумал. Ясно одно: в Россию он больше не вернется, а родина человека там, где деньги.

Марков сидел на переднем сидении «девятки», он не слушал чужого разговора, но через распахнутую заднюю дверцу долетали короткие реплики Омара и ответы Голутвина. «Но вы, же обещали, – взволнованно говорил Голутвин. – Как же так? Вы обещали. Пожалуйста... Я же сделал все, о чем просили». «Ты сделал все, как надо», – ответил Омар.

Марков оглянулся. Омар вытащил из-за пояса нож с длинным обоюдоострым клинком и латунной рукояткой. Голутвин, шмыгая мокрым носом, опустился на колени перед чеченцем, сложил руки на груди, словно собирался молиться. «Умоляю, прошу вас, – голос Голутвина дрожал, нижняя челюсть тряслась. – Увидите, я вам еще пригожусь. Я согласен на любую работу, самую грязную». «Ты нам больше не нужен», – тихо сказал Омар.

Голутвин даже не попытался оказать сопротивления, неожиданно он заплакал навзрыд, обхватил лицо ладонями. Наверное, только в эту минуту до него дошло, что мечтаниям о домике на кипрском побережье, винограднике, о круглой кровати не суждено сбыться. Деньгам найдет применение та девица из продовольственного магазина.

«Солдат, будь мужчиной», – Омар сплюнул через зубы. Он обошел Голутвина, встал за его спиной. Чеченец, сидевший за рулем «девятки» начал сосредоточено копать в бардачке. Марков тоже отвернулся, неприятно смотреть, когда человека режут, как барана. Голутвин тихо вскрикнул, раздался хлопаящий звук, словно вода пошла по пожарной кишке. Через несколько секунд все звуки стихли, стало слышно, как в темноте цикады выводят свои замысловатые песенки. «Вылезайте», – крикнул Омар.

Стоя над распластавшимся на земле прапорщиком он ветошью вытирал клинок и руки, перепачканные кровью. Марков курил и смотрел в звездное небо. Омар сам затащил тело Голутвина в машину, уложил его на заднее сидение. Водитель обвязал промасленной тряпкой горлышко бензобака. Чиркнул спичкой, что-то сказал по-чеченски и растворился в темноте. Марков и Омар, посыпав подметки ботинок нюхательным табаком, чтобы след не взяли собаки, зашагали через пустырь к дому турка.

* * *

Дорога пошла под гору, мотоцикл побежал еще резвее, Марков подумал, что неприятности последних дней остались за спиной. Все плохое скоро забудется. Где-то далеко за горизонтом ухали раскаты грома, на небе вспыхивали и гасли далекие зарницы. В задумчивости он приподнял голову и увидел в двухстах метрах впереди себя проблесковые маячки милиционной машины. «Жигули» с синей полосой стояли на обочине, как раз под мачтой освещения. Если бы он оказался внимательнее и не ловил ворон, то заметил опасность издали, в тот момент, когда спуск только начинался. Тогда еще не поздно было погасить фару, развернуться и, начав движение в обратном направлении, в сторону города, поискать объезд, какой-нибудь проселок, по которому легко проскочить мимо патруля. Теперь сворачивать не имело смысла, «жигуль» в два счета догонит его таратайку.

Марков снизил скорость, стараясь рассмотреть, что там впереди. За рулем «жигуля» милиционер-водитель, рядом с машиной топчется второй мент, долговязый и худой, на плече

автомат. Дорога пустая, ночью здесь всегда так. Милиционер махнул палкой, Марков тормознул, съехал на обочину, подняв столб пыли, чихнул.

– Фу ты, господи... П-чаа... А-пчаа...

Заглушив двигатель, вылез из седла, косо глянул на погоны милиционера. Ого, капитан. И что ему не спится в ночь глухую?

– Водительские права.

Не представившись, капитан взял под козырек. Под синюшным светом фонаря его лицо казалось неестественно бледным, как у мертвяка, месяц пролежавшего в морозильной камере морга. Вытащив из брючного кармана документы, Марков протянул капитану вместе с правами и паспорт. Сейчас, когда мент смотрит ксиву, не следует говорить лишнего, лезть с вопросами или замечаниями насчет близкой грозы. Отвечать на вопросы надо односложно и коротко. Его говорок, «аканье» предательски выдаст в нем горожанина, а не жителя забубенного рыбацкого поселка.

– Детки мои и жинка, – сказал Марков, когда капитан добрался до семейных фотографий. Ударения ставил, где придется. – Ждут папку.

Костяное лицо милиционера оставалось бесстрастным. Он задержал взгляд на фотографии с детьми. Затем долго рассматривал карточку, вклеенную в паспорт, переводил взгляд на лицо Маркова и снова смотрел в паспорт. Наконец, словно сомневаясь в своем решении, вернул документы. Показал палкой на мотоциклетную коляску.

– Что в мешках?

– Рыба сушеная, – Марков поправил косо сидящую кепку. – Хотел в Краснодаре толкнуть. Но покупатели сегодня что-то кислые. Сейчас еду к сестре, может быть, в Тимашевске дело веселей пойдет. Говорят...

– Выгружай мешки, – не дослушал капитан.

Откинув кожух, Марков вытащил и поставил на дорогу один мешок, за ним другой. Периферическим зрением он наблюдал за милиционером-водителем. Когда начался шмон мотоцикла, мужик вылез из машины, подошел ближе и встал в пяти шагах от «Урала». Он стоял, широко расставив ноги, отправлял в рот семечки и сплевывал шелуху. Марков развязал тесемку, вытащил из мешка пересохшую рыбку с крупной головой, мелкими и острыми, как шильца, зубами.

– Бычки, – сказал он, гадая про себя, почему его не отпускают. Похож на человека, ориентировку которого передали по рации? Возможно, капитану просто скучно, хочется убить время. До конца ночного дежурства далеко, а развлечений поблизости никаких. – Бычки с пивом хорошо идут.

– Вот как? – неизвестно чему удивился хмурый капитан. – Первый раз слышу. Почему твой товар?

Марков пожал плечами. Он не имел ни малейшего представления о ценах на рыбу, но нутром чувствовал: что-то идет не так. Что-то насторожило капитана, и он уже не отвяжется. Если сунуть денег... Нет, только хуже сделаешь.

– Цена договорная.

– Что еще в коляске? – капитан криво усмехнулся. – Ну, что молчишь, рыбак? Язык в море утопил?

– Язык на месте. Там всякий хлам, инструмент.

– Доставай все, что есть. Давай вместе посмотрим, каким инструментом ты пользуешься.

Капитан шагнул к мотоциклу, встал у переднего колеса. Марков наклонился, запустил руку на дно коляски, сдвинул в сторону резиновый коврик. Про себя он отметил, что у милиционера-водителя пистолет в кобуре, застегнутой на перепонку. Мент занят своими семечками. Капитан, хоть и держит автомат за цевье, не успеет быстро поднять ствол и выстрелить, потому что в левой руке полосатая палка. Дорога по-прежнему пуста. Это хорошо. Марков бросил в

дорожную пыль набор гаечных ключей в пластмассовой коробке, снова наклонился. Одним движением развернул тряпицу, нащупал рифленую рукоятку пистолета, положил указательный палец на спусковой крючок.

– Ты что, рыбак, уснул? – в голосе капитана прозвучала металлическая нотка. – Тебе помочь?

– Сейчас, сейчас...

Марков выпрямился. Капитан, увидев ствол, успел лишь сделать шаг назад, бросил на землю палку. Грохнул выстрел, второй. Капитан выронил автомат, схватился за живот. Водитель успел прикоснуться к кобуре. Пуля, попавшая в правую часть груди, сбила его с ног. Он, падая на спину, ударился головой о багажник машины, семечки разлетелись по ветру. Водила лежал на земле, правой рукой продолжая бороться с тугой застежкой кобуры. Марков, пнув автомат ногой, наклонился над водилой, добил его двумя выстрелами в голову. Вернулся к капитану, скрючившемуся у самой обочины. Мент не стонал, только тихо сосредоточено сопел, не глядя на своего убийцу. Взгляд блуждал по придорожным кустам, по небу. Он видел далекие зарницы, слышал раскаты грома.

Один за другим грохнули три выстрела. Марков, сунув пистолет под ремень, скатил мотоцикл в канаву, туда же спустил тела милиционеров. Сев за руль «Жигулей», повернул ключ в замке зажигания. Через минуту машина на бешеной скорости мчалась по пустой дороге.

Глава 5

Москва, Ясенево, штаб-квартира

Службы внешней разведки

18 августа

В тесном кабинете подполковника Беляева с окном на солнечную сторону, было душно, как в бане. Колчин, повесив пиджак на спинку стула, вертел в пальцах карандаш и разглядывал чистый лист блокнота, в котором не сделал ни единой пометки. Генерала Антипова с утра вызвали на Старую площадь, где проходило закрытое совещание с участием руководителей внешней разведки и ФСБ. И хорошо, что старика не оказалось на месте. Говорят, последние дни Антипов устраивал разносы подчиненным, но заряд негативной энергии, как всегда, остался нерастраченным. Теперь гроза миновала. А подполковник Беляев, похоже, был озабочен другими делами. И вообще, вправлять мозги подчиненным – не его амплуа.

– В Краснодаре подозреваемого содержали в обычном СИЗО, вместе с урками, – сказал Беляев. – Да еще засунули в общую камеру, где работает тюремный телеграф, передать маляву на волю и обратно можно через купленного контролера. Люди, отбившие Маркова, держали с ним связь. Этот кадр все знал наперед. Его дружки успели подготовиться. На месте работает ведомственная комиссия. С кого-нибудь снимут погоны. Нам от этого не легче, черт побери. Да, такие дела, Валера.

Подполковник всегда одевался броско, и сегодня, пользуясь отсутствием непосредственного начальника, не любившего, когда подчиненные распускают перья, перешеголял самого себя. На нем был клетчатый пиджак, розовая рубашка и галстук с абстрактным рисунком а-ля свободная Африка. Намазанная бриолином прядь волос прикрывала пробивающуюся лысину.

– «Девятку», которую они, нашли на пустыре, в салоне обгоревший труп, – Беляев продолжал беспокойно крутиться в кресле. – Назначили все экспертизы, но ясно, что это не Марков. Покойник на полголовы ниже ростом. Служебная собака след не взяла. И еще... Правда, это происшествие к нам не относится. Той же ночью в двадцати километрах от города убиты два милиционера из ДПС. В канаве, где утром обнаружили трупы, оказался еще и мотоцикл «Урал» с коляской, мешки с рыбой. Транспортное средство зарегистрировано на одного старика, умершего восемь лет назад. Пальчики с мотоцикла стерты. У милиционеров забрали оружие, угнали служебный «жигуль».

– И что?

– На следующий день машину нашли в пригороде Ростова-на-Дону. Ее утопили в обмелевшем озере, но крыша осталась на поверхности. Возможно, что это дело рук Маркова. Но я так не думаю. Представь: подельники организуют побег из автозака. Стрельба, кровь, пожар... И спустя два-три часа Марков выезжает на шоссе на древнем мотоцикле с двумя мешками вонючей рыбы. Слишком рискованно.

– А, по-моему, все логично. Марков воспользовался моментом. Милиционеров летом всегда не хватает, многие в отпусках. За пару часов, прошедшие со времени побега, на стационарные посты успели передать лишь словесное описание подозреваемого. Самое общее. Рост, цвет волос... Его фотографии менты на постах получили к утру. Убитые сотрудники ДПС, остановив ночного мотоциклиста, были застигнуты врасплох.

– Не знаю... Мне кажется, что Марков лег на дно в Краснодаре. Менты и чекисты прочешут мелким гребнем весь город. Мы запросили паспортно-визовую службу, ведь он бывал в Европе, получал шенгенскую визу. Время работает на нас, остается ждать. Как твоя рука?

– Все зажило как на собаке. Меня мариновали в краснодарской больнице, нашли отдельную палату, даже пижаму. Короче, я в порядке. А что с тем опером, Чекаловым? Когда я выпишусь, его держали в реанимации.

Беляев покашлял в кулак и повертелся на стуле.

– Умер прошлой ночью. После ранения в живот развился перитонит.

Колчин, сжав пальцы в кулак, надвое переломил карандаш, помолчал минуту. Беляев выдержал длинную паузу и сказал:

– Временно о существовании Маркова тебе придется забыть. Надеюсь, с этим персонажем мы еще встретимся. Когда-нибудь, в лучшие времена. А пока... Появилось другое срочное дело. Знаю, что руку надо долечить. На тебя уже выписали путевку в санаторий. Но отдых накрылся, м-да... Тебе придется прокатиться по стране, но не в вагоне СВ, на автомобиле. Антипов приказал поручить дело тебе лично, хотя наверху возражали. Ранение и все такое...

Беляев поднял вверх указательный палец.

– Хорошо, завтра поговорим с Антиповым, – Колчин не ждал от разговора с генералом ничего хорошего. – Заодно уж старик намылит мне шею.

– Завтра тебя здесь уже не будет. Это единственная хорошая новость, которая у меня есть.

Колчин давно разучился удивляться командировкам, которые валяются, как кирпичи на голову. И нет от них спасения.

– Сейчас мы спустимся в подвал, в секретную часть, – сказал Беляев. – Тебя введут в курс дела, дадут подробные инструкции. Затем отправишься домой. Соберешь вещи и отдохнешь. В четыре вечера к тебе на квартиру принесут чемодан с фирменными шмотками и новыми документами. По легенде ты прикинутый бизнесмен, фармацевт. В пять вечера к подъезду подгонят джип «Шевроле Субурбан» цвета темно-серый металлик.

– Зачем мне эта махина?

– Надежная тачка. Ключ найдешь в почтовом ящике. Выедешь из города не позднее завтрашнего утра. Но для начала, уже сегодня, тебе нужно встретиться в Москве с одним типом.

* * *

Москва, Симановская набережная. 18 августа.

Стоя в ванне перед зеркалом, Колчин рассматривал пулевую отметину, протянувшуюся вдоль плечевой кости и достающую едва ли не до самого локтя. Краснодарский хирург аккуратно заштопал рану, которая теперь больше напоминала не пулевое ранение, а след, оставленный пером уркагана, метившего в горло, а попавшего в руку. Быстро все затянулось, если и дальше так пойдет, через пару месяцев от царапины не останется и следа. Колчин застегнул пуговицы сорочки, повязал однотонный галстук, надел темно серый пиджак из тонкой шерсти, прилизал волосы. Пожалуй, неплохо.

В чемодане, который полчаса назад доставили сюда, лежали новые документы и вещи, купленные явно не в лавочке «эконом», а в Лондоне, в роскошном магазине классической одежды Томаса Берберри, что на Пиккадилли. По легенде Колчин солидный бизнесмен, значит, надо соответствовать заявленному уровню. В портмоне два отделения набиты долларовыми и рублевыми купюрами. Колчин примерил второй костюм, этот на все случаи жизни, вельветовый пиджак коричневого цвета и темные брюки из хлопка. Он повертелся перед зеркалом и остался доволен.

Время в запасе есть. Он присел на кровать, прикурив сигарету, провел пальцем по полированной поверхности тумбочки. Пыли много. Хорошо бы устроить в квартире уборку, но сейчас не до этого. На тумбочке лежала дамские очки с погнутой дужкой и полупустой тюбик помады. Женщина по имени Вера, оставившая эти мелочи, прожила с Валерием Колчиным месяца четыре, не дольше, и пропала из его жизни прошлой весной, как раз перед короткочечной командировкой в Германию. Что-то между ними не сложилось, не склеилось, хотя еще

недавно Колчину казалось, что эта связь перерастет в нечто большее, чем простая любовная интрижка.

Он запоздало пожалел о своей неудаче, подумал, что человеку его профессии хорошо бы иметь крепкий тыл: жену, детей и все такое прочее. Чтобы кто-то проводил до двери, поцеловал на дорогу и даже всплакнул. И Вера подходящий кандидат. Была. Подобные мысли лезли в голову не часто, но от них трудно избавиться. Она ушла, оставив ключи на кухонном столе и захлопнув за собой дверь. И еще забыла этот будильник, очки и помаду. Поздно искать внятные ответы. Он успокоился на самом простом кондовом объяснении, которое не уязвляло мужские амбиции. Наверное, они с Верой слишком разные люди. Она учительница русского языка и литературы, два года назад окончила институт и, устроившись в одну из московских школ, пока еще не успела разочароваться в своей профессии.

«Может, никогда и не разочаруется», – со злорадством подумал Колчин. Весь век станет таскать домой тетрадки, забитые самыми дикими ошибками, из жалости ставить тройки вместо двоек и вслух читать своему будущему мужу гениальные отрывки из школьных сочинений на тему «Как я провел прошлое лето». Как она читала сочинения Колчину. А он, сдерживая зевоту, думал о том, что мальчишки старшего класса совершенно не умеют врать, хотя в их возрасте пора бы это дело освоить. Не умеешь врать, тогда пиши правду: «Прошлым летом я имел одну очень классную девчонку, а на следующей неделе еще одну, но та похуже». Почти все, как один, строчат о том, что с мамой собирали в лесу грибы или купались в море. Ну, кто поверит в такую белиберду? Разве что молодая учительница.

«Тебе что-то не нравится? – Вера отрывала взгляд от тетрадки. – По-моему не очень интересно. А ты скучаешь». «Я не скучаю, – лежа на кровати Колчин, чтобы не задремать, чесал грудь. Он только что отгадал кроссворд и чувствовал себя состоявшимся семейным человеком. Оставалось только оставить заявление в загсе. Впрочем, с заявлением успеется. – Эта захватывающая сцена... Ну, про целую корзину белых грибов. Правда, очень увлекательно. Мне никогда так не везло: целая корзина. Только, кажется, что я это уже слышал». «Интересно узнать, от кого слышал?» – Вера поправляла очки. «Ну, от кого-то из твоих учеников. Только у того была целая корзина мухоморов».

Колчин подумал, учительница на самом деле сексуальная чувственная женщина и совсем не зануда, хотя с юмором проблемы. Еще Колчин подумал, что иногда, хотя бы совсем редко, надо быть честным перед самим собой. Расстались они вовсе не разных характеров, не из-за этих клятых тупых сочинений, а из-за нового учителя физкультуры. Как же его звали? Вера ненароком проговорила: «Юра донес мне портфель до самого подъезда». «Ему было не очень тяжело?», – Колчин гадал про себя, о ком, собственно, идет речь. Он насторожился, подумал, что часто уезжает в командировки. «Что ты. Он очень сильный. Ведет с мальчишками факультатив по вольной борьбе, поднимает штангу». Да, с юмором у Веры так себе, ниже среднего.

Колчин раздавил окурок в пепельнице, открыв ящик тумбочки, смахнул в него часы, помаду и очки. К черту эти воспоминания. Чтобы этому физруку кто-нибудь из талантливых учеников сломал шею на факультативе.

Опустив в карман портмоне, он надел плащ, потому что на улице начал накрапывать дождик. Спустившись вниз, вытащил из почтового ящика ключи от «Субурбана», вышел во двор. Среди «Жигулей» и подержанных иномарок черный джип выглядел вызывающе огромным, как динозавр, случайно затесавшийся в коровье стадо. Распахнув дверцу, Колчин заглянул внутрь, решив, что салон больше похож не на автомобильный, а на автобусный. В три ряда диваны, которые впору поставить в квартире, на каждом из них свободно усядутся по четыре человека. И руль, большой, как у автобуса. Добраться предстояло на другой конец города, но это неплохо. Он постарается привыкнуть к машине, изучить ее повадки, а заодно обдумает ситуацию.

* * *

Три недели назад в Россию из Европы приехал агент внешней разведки Максим Иванович Сальников. Выходец из русской семьи, которая нашла убежище в Париже во времена первой эмигрантской волны, отец православный священник, мать домохозяйка. Умерла от рака крови несколько лет назад, сестер или братьев нет. Сальникову тридцать четыре года, в свое время учился на музыканта, неплохо играет на скрипке, но позже решил, что второго Моцарта из него не получится. Продолжив учебу в лингвистическом университете, получил диплом бакалавра, занялся переводами на французский язык классиков русской литературы, сотрудничал с тамошними издательствами. В совершенстве владеет французским и английским, читает и свободно разговаривает на немецком и испанском.

Вербовочные мероприятия с Сальниковым начали около десяти лет назад. Молодой человек, который в институтские годы придерживался левых взглядов и всегда симпатизировал России, легко пошел на контакт. Еще в Париже под руководством своего русского куратора изучил основы нелегальной работы, конспирации. Молодого лингвиста использовали как связного, он проводил тайниковые операции, но никого из нелегальной русской резидентуры не знал, ни по имени, ни в лицо. Семь лет назад он приехал в Москву, здесь закончил одногодичный факультет Краснознаменного института имени Андропова, затем вернулся в Париж, нашел постоянную работу переводчика в одной из консалтинговых фирм, год спустя, переехал в Брюссель, поближе к Штаб-квартире НАТО. Пока Сальникову не доверяли серьезных дел, его использовали в основном как связника с агентами нелегалами.

Еще Сальников занимается фотографией. За последние пять лет четырежды бывал в России в качестве туриста. Небольшими тиражами издал во Франции три альбома со своими снимками. В основном это картинки природы, фото древних церквей и монашеских скитов. Последний альбом «Неизвестная Россия» удостоен какой-то второстепенной премии. Уже четыре года подряд в нескольких европейских городах устраивали выставки работ Сальникова, не наделавшие много шума, они получили благожелательные отзывы в прессе.

В прошлом году, приезжая в Россию, он завернул в Петрозаводск и Сыктывкар, тогда он начинал работу над новой выставкой и фотоальбомом «Европейский Север». Это хобби помогало Сальникову свободно разъезжать по всему миру, заводить новые связи среди людей, к которым он в прежние времена не мог подступиться. За границей, в Брюсселе и Риме, Колчин дважды встречался с Сальниковым, передавая тому посылки из Москвы. Год назад в Петрозаводске Максим познакомился с искусствоведом музея этнографии Татьяной Гришиной, женщиной двадцати шести лет, разведенной. Под Новый год Гришина переехала в Москву, выменяв прекрасную трехкомнатную квартиру в Петрозаводске на скромную однушку. В нынешнем году Максим приехал в Россию на джипе «Форд Эксплорер» изумрудного цвета, прокатившись по Швеции и Финляндии, сделав серию фотографий, пересек границу в районе Выборга.

Пробыв в Москве несколько суток, вместе с любовницей Сальников выехал в северном направлении. Будучи в Москве Максим встречался только со своим двоюродным братом Олегом Решкиным. Оружия у Сальникова не было. Решкину в течение недели ни разу не позволил. Еще через три дня отец Максима Владимир Федорович нашел в почтовом ящике своей парижской квартиры фирменный конверт почтовой фирмы «Ди Эйч Эл», с вложенной в него аудио кассетой. На пленке голос сына. Максим сообщал, что его и Татьяну Гришину взяли в заложники неизвестные преступники. Если священник в ближайшие две недели не соберет миллион долларов и не выедет в Россию для передачи денег похитителям, то Максим и его невеста умрут мучительной смертью.

Уже на следующий день Сальников старший спустился с трапа самолета в Шереметьево, поселился в гостинице Московской патриархии при Даниловом монастыре. Там же состоя-

лась длительная беседа с доверенным лицом самого Патриарха. Владимир Федорович просил у церкви помощи в розыске сына и посредничестве в переговорах с похитителями, на поддержку правоохранительных органов он не надеялся. На встречи с доверенным лицом Патриарха присутствовал агент СВР, по документам – представитель МИДа. Ему удалось сделать запись. В тот же день кассеты прослушали в Ясенево. В СВР решили во избежание утечки информации и громкого скандала в прессе не привлекать к поискам пропавшего агента ни милицию, ни прокуратуру. Совместно с контрразведкой провести мероприятия по обнаружению и освобождению Максима Сальникова.

Когда Сальников был в «конторе», он сказал, что собирается дать круг по Золотому кольцу. Сделает серию снимков, а там видно будет. Задача Колчина – проехать этим маршрутом. Броский «Форд Эксплорер» с иностранными номерами не мог раствориться в воздухе. Наверняка найдутся люди, которые запомнили самого Максима, высокого красивого мужчину, и его подружку, больше похожую на фотомодел ь или манекенщицу, чем на бывшего экскурсовода провинциального музея. «Двоюродный брат Сальникова еще тот фрукт, – сказал сегодня подполковник Беляев. – Такой попутчик – еще то-удовольствие. Впрочем, брать с собой в дорогу этого типа или нет, – решать тебе. Посмотри на него, поговори за жизнь. Глядишь, решение само наклонется».

Колчин остановил машину в темном дворе нового панельного дома. Вошел в подъезд, не держась за перила, заляпанные свежей краской, пешком поднялся на пятый этаж, потому, что лифт еще не пустили. Он постоял перед исцарапанной гвоздем дверью, прислушиваясь к звукам. Где-то внизу играла музыка, с верхнего этажа доносилось повизгивание собаки, которую хозяева забыли выгулять перед сном.

– Кто там?

– Мне нужен Олег Решкин.

– Проваливай. Иначе выйду с огромным тесаком для разделки мяса. Без башки на плечах ты вряд ли найдешь обратную дорогу.

– Я друг Максима Сальникова. Надо поговорить. Время будет оплачено.

Колчин вытащил из кармана хрустящую банкноту и стал обмахиваться ей, как веером. Дверь распахнулась. В полутемной прихожей стоял худой мужчина лет тридцати с засаленными патлами, в грязных джинсах и свитере, продранном на груди. Из квартиры несло водочным духом и сладковатым запахом дури.

– Чего стоишь? Заходи.

Глава 6

Колчин закрыл дверь, скинул плащ и вложил купюру в ладонь хозяина.

– Где можно поговорить?

Решкин сунул деньги в карман, через длинный коридор, заставленный коробками, провел гостя в комнату. К стеклам окон скотчем прилеплены пожелтевшие газеты, вместо люстры с потолка свисает лампочка, где попало, расставлены картонные коробки, заполненные барахлом. Из мебели трехногий журнальный столик, сервант, за стеклом пылится одинокая рюмка на тонкой ножке. У противоположной стены диван, на котором лежит женщина неопределенных лет в прозрачных розовых трусах, на полу бюстгальтер, черная юбка, скомканная полосатая блузка. Интерьер дополняли бутылка водки и два стакана на столике. Колчин остановился на пороге. Женщина оглянулась, смерила гостя безразличным взглядом и натянула на себя несвежую простыню.

Наклонившись над женщиной, Решкин похлопал ее по мягкому месту.

– Галя, собирайся. Пришел человек для серьезного разговора. Ты нам будешь мешать. Приходи завтра. Нет, лучше я тебе позвоню. Когда созрею.

Женщина, чертыхнувшись, поднялась с дивана, завернулась в простыню. Собрав с пола вещи, вышла в коридор.

– Чертов кретин, – сказала она на ходу. – Дешевка проклятая. Позовет, а потом коленом под зад. Чтоб у тебя член отсох, урод.

– Прошу прощения за этот бардак, – сказал Решкин. – Переезд на новую квартиру, косметический ремонт и все такое. Эти события настолько выбили меня из колеи, что я даже забыл заплатить взносы в профсоюз. Раньше за мной такого не замечалось.

Решкин усадил Колчина на еще теплый диван и поспешил в ванную комнату. Стянул через голову драный свитер, задрав кверху руки, побрызгал под мышками освежителем для туалетов, потому, что дезодорант кончился. Причесавшись и натянув черную майку, на которой не так заметна грязь, вернулся в комнату. Сев рядом с гостем, предложил выпить за знакомство. Когда Колчин отказался, плеснул водки в свой стакан и, выпил, понюхал корочку хлеба. Громко хлопнула входная дверь, Галя, уходя, дала волю эмоциям.

Колчин вытащил из нагрудного кармана пиджака визитную карточку, протянул ее хозяину квартиры.

– Колчин Валерий, – вслух прочитал Решкин. – Коммерческий директор экспортно-импортной компании «Фармацевт». Никогда не слышал этого имени. Значит вы торгош международного класса?

– Что-то вроде этого, – легко согласился Колчин. – Ввозим в страну импортные медикаменты. И продаем наши дешевые лекарства в развивающиеся страны. С твоим братом мы познакомились во Франции. Он переводил для нас документацию на лекарства, которые мы хотели закупить. Короче, мы стали друзьями. Он подарил мне два фотоальбома, которые выпустил во Франции. – Ладно, Валера, – махнул рукой Решкин. – Что надо?

– С Максимом Сальниковым произошло нечто такое, – Колчин, подыскивая нужные слова, пощелкал пальцами. – Короче, его похитили неизвестные лица. Миллион долларов – цена свободы.

В следующие десять минут Колчин подробно пересказал известные факты. В Париже отец Максима получил аудио кассету, на которой записан голос сына. Максим просит собрать деньги и заплатить их похитителям. Владимир Федорович прилетел в Москву, встретился с доверенным лицом Патриарха и просил помощи. Священник не может собрать столь крупную сумму. Но даже если бы деньги нашлись, нет гарантий, что после уплаты выкупа Максима и его невесту оставят в живых. Владимир Федорович обзвонил старых друзей сына, наводил

справки, но безуспешно. Олегу Решкину священник звонить не стал, потому что с племянником отношения напряженные, отец Владимир не одобряет тот образ жизни, который ведет племянник.

Колчин собирается прокатиться по пути Сальникова, по Золотому кольцу, пока след не остыл. Наверняка найдутся люди, которые помнят броский «Форд Эксплорер», помнят Максима и его невесту. Шансы найти заложников невелики, но эти шансы есть, опускать руки и ждать у моря погоды, глупо.

– Макс предлагал мне поехать с ним, – сказал Решкин. – Но я отказался. Из-за этой чухихи, которую он считает своей невестой.

– По-моему, она хорошая женщина, – возразил Колчин, который видел Татьяну Гришину только на фотографии.

– Это, по-вашему. Не удивлюсь, если эта стерва окажется заодно с похитителями. И почему именно вы взялись за поиски моего брата? Фармацевт... Странно...

– Кто позаботится о Максиме, если этого не сделают его друзья? – вопросом ответил Колчин. – Можно обратиться в милицию, ориентировки разошлют по всем городам и весям. Тем дело и кончится. Потому что главная отличительное качество нашего милиционера, когда дело не касается взяток, – это патологическая лень. Задаром менты задницы со стульев не поднимут. Своими силами можно найти похитителей, вступить с ними в переговоры. Кроме того, брат может позвонить на твой мобильник. Возможно, похитители выдвинут какие-то новые требования или опустят цену. Поймут, что отцу Максима таких денег не собрать. Главное начать, а дальше видно будет.

Решкин обдумывал ситуацию. Поиски брата могли превратиться в долгое и опасное предприятие. Но оставаться в Москве, сидеть в четырех стенах и ждать в гости азербайджанцев, которым он задолжал за дурь, тоже не блестящий вариант. Кавказцы могут узнать адрес новой квартиры. В лучшем случае его просто попишут бритвой, в худшем – выпустят кишки. Временно слинять из Москвы – хороший шанс, который подбрасывает жизнь.

– Денег у отца Владимира нету, а еще священник, – проворчал Решкин. – Он, ядрена мать, осуждает мой образ жизни...

– Отец Владимир, к сожалению, не настоятель Храма Александра Невского, главного православного храма Парижа. У него скромный приход, и доходы скромные. А брат тебе здорово помогает. Он приобрел эту квартиру, потому что ты не раз говорил, что тебе надоело ютиться в коммуналке. Даже диван, на котором мы сидим, куплен на деньги Максима.

– Вы слишком осведомленный человек, – Решкин зло прищурился. – Для фармацевта. Считаете деньги в чужом кармане. Как налоговый инспектор. Вам ни разу не пробивали голову за любопытство?

– Пока нет.

– Эта лафа скоро кончится, – мрачно пообещал Решкин.

Наклонившись над журнальным столиком, вытащил папиросу из пачки «Беломора», распотрошил ее, высыпая табак на полированную столешницу. Достал из кармана штанов спичечный коробок, набитый канабисом, взял шепотку анаши, смешал с табаком. Набив косяк, щелкнув зажигалкой, глубоко затянулся и вдруг закашлялся, поймав взгляд Колчина.

– Ну, что, может, пойдешь в ментовку? Накатаешь заявление. А меня арестуют за эту несчастную самокрутку.

Колчин отрицательно помотал головой. Утром в Ясенево Колчин прочитал объективку на Олега Решкина. Выпускник Геологоразведочного института, он вдоволь помотался по стране, ездил в экспедиции, работал в Узбекистане и Казахстане. Где-то между разъездами успел жениться и завести ребенка, мальчика, которому недавно исполнилось семь лет. Два года назад с женой разошелся. Устав от дорожных приключений, устроился лаборантом в один из проектных институтов, затем экспедитором на фабрику по пошиву детской одежды, Решкин прода-

вал жетоны к игральным автоматам, билеты мгновенной лотереи «Твой шанс»... Ни на одной работе не задерживался дольше трех-четырех месяцев. Наконец решил, что трудовая деятельность противоречит его жизненным принципам и свободным убеждениям.

Последние два года болтается без дела, увлекается спиртным и легким наркотикам, к которым пристрастился еще в ту пору, когда работал в Казахстане. Канабис покупает у азербайджанцев на Черемушкинском рынке, синтетические таблетки достает через бармена одного из ночных клубов. Однако в последнее время, с переездом на новую квартиру, на рынке и в клубе не показывался. Похоже, наделал там больших долгов, сел на мель и, решив не возвращать деньги, нашел новые точки продажи дури. Разумеется, Решкин не догадывается, что его двоюродный брат сотрудник русской разведки, потому что знать это ему не положено.

Колчин посмотрел в глаза Решкина. Хозяин квартиры чесал голову, блуждая взглядом по голым стенам.

– Прошу прощения за беспокойство, – Колчин поднялся, вышел в прихожую, стал натягивать плащ.

– Подожди, – раздавив папиросу в пепельнице, Решкин побежал следом. – Максим для меня не пустое место. Я не против того, чтобы составить вам компанию.

– Боюсь, ничего не получится. Из тебя плохой помощник. Я один постараюсь справиться с этим делом.

– Ни хрена у вас не получится.

– Это еще почему?

– Я виделся с Максимом за день до его отъезда, – усмехнулся Решкин. – Он сказал мне, что в последний момент передумал ехать по Золотому кольцу. Слишком много туристов. И памятники известные, давно набившие оскомину. Все эти церкви увидишь на настенных календарях и в буклетах. Он сказал: нужно что-то новое, свежее. Короче, у него другой маршрут.

– Какой именно? – Колчин вытащил бумажник. – Сведения будут оплачены. Щедро.

– Так не пойдет. Вот если бы мы работали вместе, другой разговор. Я не хочу смотаться из Москвы. Словом, я поеду с вами. В дороге расскажу все, что знаю. Это мое условие. Без меня у вас нет шансов найти брата.

– Если ты соврал, придется долго жалеть об этом.

– На хрен мне врать? Смысл?

Колчин на минуту задумался. Пожалуй, Решкин не будет тяжелой обузой, сжав зубы, его можно терпеть. Некоторое время. Если парень сделается совершенно невыносимым, Колчин купит ему билет до Москвы, проводит до вокзала и даст пинка под зад.

– Годится, – кивнул Колчин. – Завтра заеду ровно в семь утра. Не забудь вымыть голову. Если ты мне поможешь, получишь премиальные в конверте. Обставишь квартиру не пустыми ящиками из-под бутылок, а приличной мебелью.

* * *

Москва, Данилов монастырь. 18 августа.

Священник Владимир Федорович Сальников уже больше недели проживал в монастырской гостинце. Каждый день он любовался на храм в честь святых отцов Семи Вселенских Соборов, ежедневно в шесть утра посещал братский молебен, в прошлое воскресенье в храме Святых Отцов присутствовал на божественной Литургии. Он молился за здоровье сына и ставил свечи перед монастырской святыней иконой Божьей Матери «Троеручницы», и становилось легче, но душевное умиротворение длилось недолго. Отец Владимир возвращался в гостиницу, в свой аскетичный, напоминающий монашескую келью номер и коротал время за чтением Библии.

лии. Постепенно со дна души поднималась серая муть, мысли путались, чтение не давалось, душой вновь овладевала тревога.

Похитители сына обещали, что свяжутся с Сальниковым по мобильному телефону еще четвертого дня. Все сроки вышли, но телефон молчал. По приезде в Москву отца Владимира принял священник Протоирей Николай Минаев, на встрече присутствовал работник Министерства иностранных дел, эти люди дали слово не обращаться в правоохранительные органы и по своим каналам оказать Сальникову помощь в поисках сына, но дни шли, а благих вестей как не было, так и нет. Надо крепиться, набраться терпения, ждать и молиться. Другого все равно не остается. Если Сальников пойдет на контакт со Следственным управлением МВД или ФСБ, об этом могут узнать похитители. Небольшая утечка информации – сыну и его невесте вынесут смертный приговор. Следственные органы – это шаг отчаяния, крайняя, последняя мера.

Вот и сегодня день прошел в молитвах, ожидании чего-то, хорошего или плохого. За окном уже начинали стгущаться сумерки, над городом повисли пепельные облака. Отец Владимир решил, что на вечерний молебен, начинавшийся в пять часов, он не пойдет. Сальников встал со стула, задернул шторы, когда в дверь постучали. Порог номера переступил молодой послушник монастыря, который помогал в гостинице. Одетый в цивильную одежду, молодой человек протянул постояльцу запечатанный конверт из грубой почтовой бумаги. Ни штемпеля, ни обратного адреса, только надпись «Владимиру Федоровичу Сальникову», выполненная то ли на пишущей машинке, то ли на принтере.

– Кто передал письмо? – спросил Сальников.

– Этого человека никто не видел. Сегодня на вечернюю Литургию пришло много прихожан. Возможно, кто-то из них зашел в гостиницу, оставил письмо внизу, на конторке.

– Хорошо, иди, сын мой.

Чувствуя предательское волнение, Сальников сел к столу, ножницами отрезал от края конверта полоску бумаги. Внутри сложенная вдвое страничка, вырванная из ученической тетради. Сальников трижды пробежал глазами машинописные строки. «Сегодня в шесть тридцать вечера жду вас на середине станции Площадь революции. Наденьте цивильный костюм, а не рясу». Ни подписи, ни слова о деньгах... Положив письмо в ящик стола, он несколько минут просидел неподвижно, обдумывая ситуацию. Логичнее всего прямо сейчас, не медля ни секунды, связаться по телефону с доверенным лицом Патриарха, сообщив ему о письме. Но что сообщить? Сальникову назначали встречу, ни больше, ни меньше.

Отец Владимир открыл дверцу шкафа, выбрал коричневый старомодный костюм с широкими лацканами, повязал черный галстук, надел плащ. Вышел из гостиницы, поймав машину, сел на заднее сидение, чтобы не вести разговоры с водителем. Через полчаса машина остановилась у Манежной площади. Сальников никуда не спешил, потому, что времени в запасе много. Он прогулочным шагом дошел до входа в метро Площадь революции. Время от времени оглядывался назад. Возможно, ему на загривок сели оперативники ФСБ. Закончился рабочий день, и народу вокруг столько, что определить, есть ли слежка, невозможно.

Сальников спустился в метро, сел на свободную скамейку в центре зала и начал беспокойно осматриваться. Поезда приходили и уходили. Служащие спешили домой, сновали молодые парочки, подростки и старики, и увидеть в этом человеческом водовороте чей-то внимательный взгляд, обращенный на отца Владимира, задача из разряда неразрешимых. Волнение, владевшее им, ушло, Сальников был сосредоточен и хмур. Он часто смотрел на циферблат часов. Без четверти семь, а человек, назначивший встречу, не появился. Спинной к Сальникову на шаг впереди встала женщина в три обхвата, загородившая спиной весь обзор.

Сальников беспокойно завертелся, подумав, что за женщиной его не видно, уже хотел привстать, когда проходивший мимо мужчина бросил на скамейку свернутую трубочкой газету. Человек скрылся в толпе. Сальников развернул сегодняшнюю «вечерку», еще пахнущую типографской краской. Так и есть, внутри газеты листок, на котором от руки печатными

буквами написано. «Доезжайте до станции Текстильщики, сделайте пересадку на электричку до Подольска. От станции каждые четверть часа уходит автобус в сторону области. Сойдите на предпоследней остановке. Пойдете по асфальтовой дороге в сторону садоводческого товарищества „Сосновая роща“». В левом нижнем углу номер автобуса, обведенный в кружок. Сальников сунул скомканную бумажку в карман.

– Подольск, – сказал он шепотом. – Подольск...

Пригороды столицы отец Владимир знал плохо.

Глава 7

Московская область, Подольский район. 18 августа

Ближе к концу маршрута в автобусе осталось всего четыре пассажира, пара хмельных юношей и какой-то запозднившийся грибник в старом брезентовом плаще с плетеной кошелькой, прикрытой марлей. Дорога шла лесом, изредка, когда машина выезжала на открытое пространство, у самого горизонта светились огоньки. Отец Владимир вышел вместе с грибником. Остановившись, осмотрелся вокруг, спросил своего попутчика, как добраться до садоводческого товарищества «Сосновая роща». Показывая направление, грибник, молча, махнул рукой куда-то в сторону, мол, дуй туда, не ошибешься. И, повернувшись, быстро зашагал по дороге вслед за ушедшим автобусом.

Действительно, за спиной Сальникова, если хорошо присмотреться, угадывалась узкая асфальтовая дорога, на развилке врыты столбики, на них укреплен жестяной щит, что-то вроде указателя. На ржавой поверхности можно разобрать буквы, выведенные масляной краской. Итак, до садоводческого товарищества добрых пять километров. «Сосновая роща» где-то там, за лесом. Впрочем, путешествие должно закончиться раньше. Погода разгулялась, гроза, бушевавшая здесь недавно, ушла к Москве, небо очистилось. Сальников шагал по неосвещенной дороге, стараясь не наступать в глубокие лужи, блестящие в темноте, как нефтяные пятна. Но уже через пару минут промочил кожаные ботинки.

Высоко над головой, светя сигнальными огнями, пролетел пассажирский лайнер, порыв ветра принес залиvistый собачий лай. Кажется, хмурый лес, подступавший к дороге с обеих сторон, тихо дышал, как спящий человек. Увидев за спиной свет, отец Владимир вздрогнул от неожиданности, отошел к обочине, остановился. Не сбавляя хода, мимо проскочила, ослепив фарами, темная машина, еще несколько секунд, и она исчезла за поворотом. Потоптавшись на месте, Сальников двинулся дальше. Не прошел и ста метров, как снова увидел свет за спиной. Он встал, прикрыв глаза ладонью. Машина остановилась так близко, что боковое зеркальце едва не задело отца Владимира.

Человек в темной куртке и кепке, надвинутой на глаза, вылез с переднего сиденья. Быстро подошел к Сальникову, приказав, упереться ладонями в крышу автомобиля, расставить ноги и не шевелиться. Унизительный обыск длился минуты три, показавшиеся вечностью. Мужчина встал сбоку, больно наступив ботинком на ногу отца Владимира. Убедившись, что за воротом плаща и пиджака нет специального кармана, в котором можно спрятать оружие или диктофон. Проворными руками расстегнул пуговицы, прошелся по карманам костюма, ощупал предплечья, похлопал по голени и отступил.

– Садитесь в машину.

Распахнул перед Сальниковым заднюю дверцу, мужчина сел впереди. Стекла оказались затемненными. Человек, занявший водительское кресло, разговаривал, не поворачивая назад головы.

– До меня дошел слухок, будто вы общались с ментами. Или...

– Нет, – ответил Сальников. – Это не в моих интересах.

– Допустим.

– Уверяю вас, вы похитили не того человека, – горячо заговорил отец Владимир. Он старался, чтобы голос звучал твердо, не дрожал от волнения, снова подкатившего к сердцу. – Мой сын не банковский воротила, не нефтяной магнат. Он всего лишь вольный фотограф. Нерегулярные заработки, жизнь от гонорара к гонорару, иногда – персональные выставки. Но и они не приносят серьезных доходов.

– Ладно, – мужчина повелительно махнул рукой. – Любимое занятие всех русских, даже тех, кто живет в Париже, – прибедняться. Оставьте лирику нищим.

– Около месяца назад у меня состоялся разговор с Максимом на эту тему, – Сальников продолжал говорить, прижав руки к груди. – На его счете в одном из французских банков что-то около тридцати пяти тысяч евро. Но договор с банком составлен таким образом, что получить эти деньги, как говорят у вас, обналичить, может только мой сын. Лично он и никто другой. Даже в том случае, если он напишет доверенность на мое имя, а французский адвокат ее заверит, денег мне не дадут. У Максима есть несколько пластиковых карточек, которые он не брал в Россию. Но на них мизерные суммы, ну, две-три тысячи евро, не больше.

– Такими деньгами, мы не интересуемся. А как же с вашими накоплениями? Верой и правдой многие годы служить церкви и остаться на склоне лет без гроша в кармане?

– Я не настоятель большого храма, подворья или монастыря. Я – иерей домового храма святого апостола Иоанна Богослова. Этот храм открыт при православной классической гимназии для учащихся, в основном детей русских эмигрантов, и, разумеется, прихожан. Поверьте, что церковь – не рынок, не доходное место. Я живу скромно в казенной квартире с минимумом удобств. Но у меня есть небольшие накопления. Кроме того, мои друзья в Париже помогли собрать восемьдесят тысяч долларов.

– Сколько реально вы можете заплатить? Сумма?

– Двести тридцать тысяч долларов – это все, что у меня есть. Включая долги, которые я набрал. Эти деньги я перевел в один из московских банков. Получить на руки всю сумму можно дня через два-три, предварительно сделав заказ.

– Вы можете обратиться за материальной поддержкой к Московскому Патриархату...

– Церковь не дает денег на подобные дела. Это вопрос принципиальный.

Молчание длилось долго. По крыше машины стучали капли, слетавшие с веток деревьев. Сальников тер ладонью лоб, испытывая приступ мигрени. Он думал, что в Париже, возможно, удастся продать старинные драгоценности покойной матери, серьги с бриллиантами и диадему, выручив за них некоторую сумму. Сколько точно, скажет только ювелир. Еще тысячу двадцать-тридцать долларов можно взять у банка, ... Однако, как ни крутись, это не те деньги, на которые рассчитывают похитители.

* * *

Наконец, мужчина сказал:

– Вы ставите меня в трудное положение, почти безвыходное. Когда вы сможете передать те двести тридцать тысяч?

– Мне нужно нечто, подтверждающее, что Максим и его невеста живы. Я бы мог поговорить с ним по телефону и тогда...

– Слушайте, вы не ребенок. Разговор исключен. Телефоном можно пользоваться только в крайнем случае.

– И, тем не менее, мне нужно знать, что Максим жив. Иначе вы не увидите даже этих денег.

– Хорошо, – неожиданно согласился человек. – Вы получите подтверждение прямо сейчас.

Не оглядываясь назад, он бросил на сидение пластиковый пакет. Сальников вытащил из него две видеокассеты.

– На одной из пленок вы увидите Максима его невесту живыми и здоровыми. Там представлена дата и время записи. Другая кассета убедит вас в том, что мы серьезные люди. Вы узнаете, что произойдет с вашим сыном, если вы не выполните наших условий. Как только просмотрите записи, сломайте кассеты, размотайте пленку, порежьте ее ножницами. Затем

прогуляйтесь по московским дворам и выбросите все, что осталось от кассет, в мусорные контейнеры.

– Чего вы хотите?

– Вы не можете выплатить даже четвертой части выкупа. Поэтому должны кое-что сделать для нас. Услуга за услугу.

– Что ж, я готов, – поспешил с ответом Сальников.

Слова сами сорвались с губ, и священник тут же пожалел, что, еще не выслушав предложения, согласился его принять. Но теперь поздно.

– Вам предстоит перевести во Францию некий груз, для этого потребуется трейлер. Посетите оптовые магазины, торгующие церковной утварью. Московская Патриархия, точнее один из ее магазинов, оптовым покупателям отгружает товар багажными вагонами, железнодорожными контейнерами или автомобильным транспортом. Сделайте предварительную заявку и внесите предоплату из тех денег, что вы перевели в Москву. Наберите в ассортименте церковную литературу, предметы православного обихода и богослужения, рукописные и шелкографические иконы, художественные изделия народных промыслов в подарочных наборах, греческий ладан, церковные благовония и всякую такую дребедень. Ни у кого из ваших коллег из Московской Патриархии закупка крупной партии церковных принадлежностей и богословской литературы здесь в России не вызовет подозрений.

– Что вы хотите провести в грузовике?

– Пятьдесят плоских и длинных коробок с грузом. Будем считать, что в ящиках разборная корпусная мебель или что-то вроде этого. На них будет выведена по трафарету церковная символика: часовня и парящий над ней голубь. Вам предстоит надеть рясу и проделать весь путь от Москвы до пригорода Парижа в грузовике. Вместе с водителем и моим экспедитором. В сопроводительных документах должны стоять печати Московской Патриархии. Подобные транспорты таможенники не досматривают. Особенно когда грузовик сопровождает священник. Товар выбирайте с тем расчетом, чтобы ваши коробки заполнили примерно три четверти места в кузове. Как только мои ящики окажутся на месте, под Парижем, Максим с невестой будут освобождены. А с вас не возьмут ни копейки выкупа. Кстати, перед отправкой груза вы получите письмо от сына и его фотографию, сделанную накануне. Чтобы убедиться: все без обмана. Ну, что скажете?

– Хорошо, – вздохнул Сальников. – Будь, по-вашему.

– Я свяжусь с вами дней через десять, – сказал мужчина. – Там в пакете вместе с кассетами мобильный телефон. Всегда держите его при себе. Если поспешите, вы успеете на последний автобус, который идет к станции. Кстати, мы должны как-то обращаться друг к другу. Можете называть меня Юрием.

Через минуту Сальников снова оказался один на пустой дороге. Машина с номером, забрызганном грязью, скрылась из вида. Он медленно зашагал обратно к остановке, помахивая пакетом с видеокассетами. Над макушками елей повис узкий серп луны.

* * *

Москва, Ясенево, штаб-квартира

Службы внешней разведки

22 августа

В кинозале на тридцать мест выключили верхний свет. Техники выкатили стоявший на тумбе проекционный телевизор и ушли. Генерал Антипов и подполковник Беляев, устроившись на мягких креслах в первом ряду, готовясь к просмотру, как по команде расстегнули пиджаки.

– Видеозаписи сделаны на полупрофессиональную камеру, затем переписаны на бытовые кассеты, – пояснил Беляев. – Запись аналоговая, не цифровая. Поэтому различные специальные эффекты, кровь и все такое, исключены. Эксперты подтвердили подлинность пленки. Теперь мы знаем, что Максим Сальников жив. А его отец каким-то образом вошел в контакт с похитителями, получив от них эти кассеты. Его мобильный и стационарный гостиничный телефоны на прослушке, никаких подозрительных звонков не было.

– Каким-то образом вошел в контакт, – механически повторил Антипов. – С кем? Когда? Содержание разговора? Личность злоумышленника? Мы научились хлопать ушами, превратились в дилетантов, если какой-то священник, человек не от мира сего, играючи, уходит от слежки.

– Сотрудники службы наружного наблюдения потеряли его в метро в час пик, когда он пересеживался на Кольцевую линию. Народу вокруг столько, что из пушки не прошибешь. Видимо, тем же вечером, он встретился с бандитами где-то в пригороде. Вернулся в гостиницу при Даниловом монастыре по ту сторону ночи в мокром плаще. Утром попросил администратора принести в его номер видеомаягнитофон, просмотрел записи. В обед, поломав кассетные коробки, вышел на прогулку, выбросил их в мусорный контейнер. Пленку он смял и вдобавок порезал ножницами. На видео и звуковых дорожках повреждения серьезные. Наши специалисты сделали склейки и восстановили все, что смогли.

– Хорошо, – кивнул Антипов. – Что от Колчина?

– Пока никаких результатов, – ответил Беляев. – Но мы не надеялись на быстрый успех. Решкин по дороге сообщил, что первую остановку его старший брат решил сделать в одной из гостиниц города Владимира. И не соврал. Есть запись в регистрационной книге. Колчин передал, что Сальникова и его невесту там хорошо запомнили. Они провели в городе двое суток. Максим много фотографировал, Татьяна сопровождала его. Обедали в одном из центральных ресторанов. Там Сальникова тоже запомнили: красивый иностранец с русской подружкой. Рассчитавшись за постой, выехали из гостиницы. Но мы знаем пункт следующей остановки Сальникова. Решкин утверждает – это Нижний Новгород. Сегодня спутники будут там.

– А как там этот братец?

– Колчин сказал, что работе он не очень мешает. наших путешественников сопровождают три опытных оперативника, едут следом за ними, выполняют все поручения, чтобы Колчин не тратил время на ерунду. И, само собой, обеспечивают силовое прикрытие. В Нижнем наши опера поселятся в разных гостиницах «Заречная», «Октябрьская» и «На Ильинке». В случае необходимости эти люди будут рядом с ним.

Антипов достал очки и протер стекла платком. Беляев поднялся, вставил кассету в видеомаягнитофон. Взяв пульт, сел на прежнее место, нажал кнопку «пуск». На экране появилась серая рябь, пошли горизонтальные полосы, из динамиков донеслось змеиное шипение. Наконец в кадре появился Максим Сальников, он сидел на венском стуле с гнутой деревянной спинкой. Слегка подавшись вперед, положил запястья, скованные наручниками, на колени. В правом нижнем углу экрана можно разглядеть дату съемки и время, семь вечера, запись сделана пятнадцатого августа. На Сальникове черный свитер и неопределенного цвета мятые штаны. Снимали в темном помещении, в подвале или погребе. Горела тусклая лампочка, подсветка, установленная на камере, оказалась слишком слабой. Лицо казалось желтым, под левым глазом расплылся овал синяка. На скуле ссадина, а нос распух, сделался сизым и повис, как у старого пьяницы.

– Мне очень жаль, что я втравил Татьяну, а теперь и тебя, отец, в это сомнительное приключение, – Максим говорил медленно, с усилием подыскивая нужные слова. – Но, думаю, плохое рано или поздно кончается. Как говорится, и это пройдет. Мне хочется снова стать свободным человеком. Хочется уехать отсюда, куда глаза глядят. Снова оказаться в Париже, в своей квартире. Прилечь на софу, достать с нижней книжной полки томик Александра Блока.

Отправиться в гараж, взять в руки инструменты. И наконец довести до ума тот старый кабриолет «Гольф», который купил еще два года назад. Ну, ты помнишь эту машину. Славная. У меня есть...

По экрану пошли волнистые зигзаги, голос пропал.

– Эта часть записи оказалась утерянной, – пояснил Беляев. – Кусок вырезанной ленты мы так и не обнаружили. Обратите внимание, как он говорит, едва языком шевелит. Зрачки глаз сужены, радужка блестит, усиленно потовыделение. Вялый и сонный. Максиму, видимо, колят лошадиные дозы транквилизаторов или наркоту.

Изображение снова появилось. Максим продолжал говорить. На заднем плане у кирпичной стены сидела женщина, одетая в голубое платье и серую кофту. Женщину можно было назвать миловидной, даже красивой, если бы не темно землистый цвет кожи и не синяк в поллица. Стальных браслетов на руках нет, но левая нога прикована длинной цепью к торчащему из стены кольцу. Женщина, сидела, не двигаясь, опустил взгляд.

– Я очень устал за последние дни, – Сальников поднял скованные руки и вытер испарину, выступившую на лбу. – Но, отец, теперь, ты знаешь, как нас отсюда вытащить. Расплатись с этими людьми, собери деньги...

Изображение снова поплыло. Пару минут Антипов сидел, глядя в серый экран, нетерпеливо хлопая себя по колену. Но вот динамики зашипели, изображения по-прежнему не было, но появился голос Максима.

– Крепко обнимаю, отец. И очень на тебя рассчитываю. Но, если больше не встретимся, прости за все. И не горюй.

– На том утерянном куске пленки что-то важное, – сказал Антипов.

– Все могло ограничиться просьбами и мольбами о спасении.

– Может нам все-таки поговорить с отцом Владимиром начистоту? Сделать его союзников в нашей работе, предложить ему деньги для выкупа Максима?

– Только все испортим. Он боится за жизнь сына, поэтому не пойдет на сотрудничество.

* * *

Беляев вставил в видеомэгнитофон вторую кассету, экран телевизора засветился. Похоже, снимали все в том же подвале, где сейчас держат Сальникова с невестой, только на этот раз освещение ярче. Возле деревянного столба стоял голый по пояс мужчина со связанными за спиной руками и ртом, заклеенным полосками пластыря. На вид лет сорок с гаком, худой и жилистый, лицо и руки по локти дочерна загорелые, а грудь бледная, как простыня. Пегие, давно не знавшие мыла волосы, всклокочены, кажется, они встали дыбом от страха. Глазами, вылезшими из орбит, человек пялился в камеру, мотал головой из стороны в сторону и мычал.

В кадре появилась спина другого человека, одетого в черный кожаный жилет на голое тело, на уровне пояса завязки фартука, на голове то ли черный вязаный чулок, то ли шапочка по самую шею. Палач, не произнеся ни звука, наотмашь ударил пленника кулаком, с зажатым в нем вентиляем от пожарного крана. Отошел в сторону и снова ударил, на этот раз снизу вверх, под нижнюю челюсть. Жертва замычала громче. Из щеки, рассеченной поперек, глубоко, до самых зубов, потекла кровь. Челюсть съехала на бок, деформировалась. По экрану пошли полосы.

– Человека медленно убивают перед объективом камеры, – сказал Беляев. – Снято для устрашения отца Владимира. Жертву выбрали случайно. Возможно, он какой-нибудь приезжий строитель, сезонный рабочий.

По экрану снова пошли полосы. Появилось изображение, но тусклое. Антипов наклонился вперед. Палач хлестал свою жертву цепью поперек торса, оставляя на груди и животе кровавые отметины. К концу цепи прикрепили грузило, по виду килограммовую гирьку. Челю-

век захлебывался слюзью, сочащейся из носа, но не терял сознания. Палач намотал цепь на кисть руки, отвел плечо назад, и ударил, как молотом, кулаком в грудь. Кажется, этот чудовищный по силе удар должен выбить из тела душу. Голова пленника дернулась, он повис на ремнях. На объектив попала капелька крови. В следующую секунду беднягу окатили холодной водой из ведра. Он пришел в себя и замычал, как корова на бойне.

Кровь, смешанная с водой, стекали под решетку в бетонном полу. Палач не терял времени, вытащил из-за пояса отвертку и от пояса нанес жертве удар в живот. И снова полосы и рябь по экрану. Когда изображение появилось вновь, жертву было трудно узнать. Левый глаз вытек, тело превратилось в сплошное дырчатое месиво из мяса и кожи. Человек висел на ремнях, не подавая признаков жизни, палача в кадре не было. Видимо развязка истории уже наступила. Мужчина скончался от большой кровопотери, когда с него спустили брюки и оскопили. Беляев нажал кнопку «стоп».

– Там дальше покажут женщину, – сказал он. – Ну, в сравнении с этим горемыкой ей досталась легкая смерть. Ей вскроют живот от ребер до лобка. А потом перережут горло. Будете смотреть?

– Ты что, думаешь, я таких видов не видел? Жалеешь старика?

– Никак нет. Толку от этого просмотра никакого. Рот жертвы забит тряпкой и заклеен. Палач не сказал ни слова во время казни, не издал ни звука. На голых руках нет татуировок, характерных родимых пятен или шрамов. Ни малейшей зацепки, которая бы помогла идентифицировать личность.

В зал вошел дежурный офицер, одетый в штатское. Бесшумными шагами он подошел к Антипову, наклонившись, что-то прошептал в ухо. Генерал, отпустив офицера, повернулся к Беляеву.

– Твоя взяла, просмотр отменяется, – Антипов не смог скрыть вздох облегчения. – Только что наш отец Владимир по телефону заказал авиабилеты до Парижа. На завтрашний рейс, эконом-класс.

– Что это значит?

– Вот и я хотел бы знать: что все это значит?

Глава 8

Нижний Новгород. 19 августа

Телефонный звонок заставил Колчина открыть глаза. Сев на кровати, он протянул руку и снял трубку.

– Слушаю.

– Это дежурный администратор, – женщина говорила заспанным голосом. – Звонят из вытрезвителя. Хотят с вами поговорить. Соединить?

– Вы не ошиблись?

Колчин взял с тумбочки часы и посмотрел на циферблат: пять часов утра. Это что, сон, продолжение ночного кошмара? Или неудачная шутка?

– Соединяйте, – в трубке что-то щелкнуло.

– Дежурный смены старший лейтенант Горобцов, – кажется, мужчина на другом конце провода не расположен к юмору. – Вы друг Олега Решкина?

– Не совсем. То есть...

– К нам попал человек, назвавшийся Решкиным, вашим лучшим другом, – сказал лейтенант. – Мы пробили его по ЦАБу, ну, по центральному адресному бюро. В нашем городе человек с таким именем не проживает.

– Да, да, Решкин мой друг, – слово «друг» Колчин выдавил из себя с усилием. – Мы туристы.

– Хорошо, – смягчился лейтенант. – Тогда приходите до шести утра.

– Почему так рано? Я бы не возражал, если бы он погостил у вас целый день, до самого вечера. Пусть отоспится, придет в себя и все такое.

– Мы вытряхиваем отсюда алкашей не позднее шести тридцати. Не забудьте его паспорт и деньги, потому что в бумажнике вашего друга нет ни копейки. Если не успеете до шести, отправим его в изолятор временного содержания. На предмет проверки в совершении какого-либо преступления. Вытащить Решкина оттуда будет труднее.

– Надо заплатить штраф?

– Не штраф, это плата за услуги.

Лейтенант назвал адрес, сообщив, что от гостиницы до вытрезвителя десять минут пешим ходом. Колчин выругался, встал и натянул брюки. Через пять минут он спустился в холл, разбудил администратора, дремавшего за стойкой, и попросил ключ от четыреста второго номера.

– Там живет мой друг. Ну, по поводу, которого звонили из милиции, мне нужен его паспорт.

– А что случилось?

– Человек перешел улицу в неположенном месте. Надо заплатить штраф, а денег при себе не оказалось.

– Поэтому его отправили в вытрезвитель? – усмехнулась женщина, поправляя прическу.

Колчин беспомощно развел руками, мол, чего в жизни не бывает. Администратор сурово покачала головой, сняла ключ с крючка и положила на стойку. Убогому вранью постояльца она не поверила. Поднявшись наверх, Колчин открыл дверь. Темно серые предрассветные сумерки, пробиваясь сквозь легкие занавески, медленно вползли в номер, пахло сивухой, на столике у окна выстроилась батарея пивных бутылок, пепельница, переполнена окурками, под столом початая бутылка водки. Вчерашним вечером после ужина в ресторане, Решкин сказал, что устал, мертвецки хочет спать. Посидел в своем номере, балуясь пивом, но быстро заскучал в одиночестве и отправился на поиски развлечений, которые закончились в вытрезвителе.

Паспорт, поверх которого лежала пачка презервативов и пакетик с анашой, нашелся в тумбочке. Вскоре Колчин шагал по пустым улицам, на ходу размышляя о делах, которые сулит новый день.

* * *

Накануне удалось выяснить, что Сальников проживал в этой гостинице, видимо, вычитал в буклете, которые пачками пылятся в холле на первом этаже, что отель – самое уютное гнездышко для усталых путников и всех влюбленных. На вкус Колчина уюта гостинице немногим больше, чем в ночлежке для бродяжек. Но раз уж тут оказался, надо извлечь пользу из своего положения. Сальников, наметив Нижний Новгород как место для съемок, рассказывающих о российской провинции, собирался пробыть в городе неделю или того дольше. Однако, судя по записям в книге регистраций, провел в двухместном полулюксе всего две ночи. Утром вместе со своей женщиной съехал неизвестно куда.

В других городских гостиницах человек с такой фамилией не зарегистрирован. Морг, где ждали опознания криминальные трупы, больницы, куда могли бы доставить пострадавших в бессознательном состоянии, – проверены. Дорожных происшествий, где бы засветился «Форд Эксплорер» изумрудного цвета с иностранным номером, не случилось ни в городе, ни в области. Правда, удалось найти гостиничную уборщицу, слишком любопытную и памятьливую, с феноменальным слухом и к тому же не избалованную деньгами. Просто из любви к живому художественному слову, не помышляя о чаевых, она в лицах очень образно пересказала ссору между парочкой, мужчиной и женщиной. Ссору якобы случайно услышанную в тот момент, когда тетя Маруся чистила плевательницу, стоявшую возле приоткрытой двери в семьсот десятый номер.

Мужчина был явно не в настроении, а женщина, спорившая с ним, тоже не хотела уступать. «Но ведь мы даже не успели посмотреть город, я никогда не была здесь, – в голосе женщины слышалась нотка обиды. – И для тебя работы непочатый край. Сфотографируй Нижегородский кремль, здание музыкального музея, театра, Дом фольклора». «Темы, которые ты предлагаешь – дешевка низшей пробы. Они не годятся даже для настенных календариков или путеводителей, – мужчина повысил голос. – Для моей выставки и для альбома вся эта ерунда, кремль и памятники, не нужны. Требуется нечто другое. Русская провинция в ее первозданном виде. Простые люди, галерея портретов. Вот это будет в точку». Дальше тетя Маруся поняла разговор плохо, дверь в номер захлопнули перед самым ее носом, спасибо не прищемили. Постояльцы еще долго вяло переругивались и спорили.

«Может быть, в разговоре они упоминали какое-то имя или название? – чтобы оживить угасающую память уборщицы, Колчин достал бумажник. – Имя. Ну, вспомнили?». Не отрывая взгляда от роскошного портмоне, тетя Маруся облизнулась. «Не называли они имен, – уборщица хорошо понимала, что честность когда-нибудь доведет ее до нищеты, но солгать не смогла. – Правда... Я уж не знаю, название это или что другое. Тот мужик несколько раз повторил слова „волжские дали“. Есть такие шоколадные конфеты». Колчин отслонявил пару купюр и показал уборщице, пораженной щедростью гостя, фотографии Сальникова и его невесты. «Они самые, – кивнула любопытная баба, запихивая деньги в лифчик. – Она такая складная, вся из себя, фигуристая. Другой мужик с такой девчонкой в номере закроется и неделю не выходит. А у этого голова забита черт знает чем. Фотографии... Тьфу, да пропади они пропадом».

Следующий час Колчин провел в своем номере, заперевшись изнутри, включив портативный компьютер, он выяснил, что словосочетание «волжские дали» понравилось не только кондитерам, выпускающим одноименные конфеты. В городе и области мирно уживались два ресторана с таким названием, летнее кафе, чебуречная, комбинат бытовых услуг и дом отдыха, расположенный примерно в тридцати километрах от центра. Заезды отдыхающих по пятницам,

отъезд в воскресенье. Но все желающие могут на месте купить путевки и жить в прекрасном четырехэтажном здании со всеми удобствами весь остаток лета и осень. Возможно, уборщица ослышалась. Но проверить эти «Дали» все-таки нужно, а тридцать километров для бешеного пса не крик. Он отправил в Москву короткое донесение и закрыл компьютер. Сегодня же Колчин выедет на место, а там разберется.

* * *

Вытрезвитель помещался в двухэтажном здании еще купеческой постройки, отгороженный от мира бетонным забором, вдоль которого росли чахлые деревца. Ворота распахнуты настежь, на дворе милицейский «газик», напоминающий мятую консервную банку. Поднявшись на три ступеньки крыльца, Колчин нажал кнопку звонка, через секунду лязгнул замок. Толкнув железную дверь, Колчин оказался в узком коридоре, который заканчивался в помещении дежурной части. За деревянной стойкой, сидел лейтенант, видно, тот самый, что звонил в гостиницу. Еще один милиционер, немолодой сержант, пристроился на диване возле зарешеченного окна и, позевывая в литой кулак, переворачивал страницы засаленной книжки.

– Я по поводу Олега Решкина.

Колчин положил на стойку паспорт.

– Приведи задержанного. И одежду выдай.

Лейтенант привстал со стула, махнул рукой сержанту, мол, действуй, а не ворон считай. Сам углубился в изучение паспорта. Горбцов внес запись в журнал регистраций, заполнил квитанцию и огласил сумму, которую предстояло заплатить за вытрезвление гражданина. Колчин выложил деньги.

– Мой приятель ничего не начудил? Случайно не разбил витрину или чью-то физиономию?

– Если бы разбил, мы встретились в суде, – ответил лейтенант, пересчитывая деньги. – Он был настолько пьян, что стоял, привалившись к фонарному столбу.

– Надо же, как его угораздило, – Колчин щелкнул себя пальцем по горлу. – Не рассчитал свои силы. Впрочем, с кем не бывает.

– Со мной почему-то не бывает.

Милиционер снял фуражку и снизу вверх настороженно посмотрел на посетителя, видимо заподозрив его в либеральном отношении к пьяницам.

– Кстати, – Колчин добродушно улыбнулся. – У меня приятель дней десять назад останавливался в той же гостинице, где сейчас живу я. Мы договорились вместе порыбачить. Я привез снасти и все остальное. А мой друг съехал неизвестно куда. Теперь не знаю, где его искать. У меня возникла шальная мысль: не воспользовался ли он услугами вашего заведения.

Колчин достал фотографию Сальникова в обнимку с невестой.

– Вам не доводилось видеть этого человека?

– Не могу же я запомнить в лицо каждого ханыгу, – лейтенант внимательно, щуя глаза, смотрел на фотографию. – В мою смену такого не было. А женских вытрезвителей в городе вообще нет. Пьяные бабы проводят ночь в обезьянниках изоляторов временного содержания. Это, конечно не отель. Но все лучше, чем быть изнасилованной и убитой на улице.

– Может быть, посмотрите в журнале, а? Не в службу, а в дружбу. Моего друга зовут Максим Сальников. По национальности русский, но подданный Франции.

– Это можно. Пожалуйста, хоть сами посмотрите, – сменив гнев на милость, лейтенант положил на стойку журнал регистраций. – Иностранцы к нам не попадали. Если бы произошел такой случай, мне рассказали.

Колчин, перевернул несколько страниц, пробежал взглядом по строчкам, поблагодарил Горбцова за любезность и вернул журнал.

– Ваш друг любил выпить?

– Только легкое пиво и немного коньяка. Но это русское гостеприимство, хлебосольство... Не удивлюсь, если Сальников после обильного застолья проснулся в вытрезвителе. Я по специальности фармацевт, знаю, как водка действует на людей, не готовых к возлияниям.

– В милицию заявление подавали? Ну, об исчезновении человека?

– Такое заявление не примут. Факт исчезновения не доказан.

– Вы правы. Летом исчезает слишком много людей. А потом они чудесным образом находятся. Живыми и здоровыми.

Колчин обернулся, услышав за спиной тихие голоса. В помещение дежурки вошел Решкин, уже одетый, в сопровождении того самого сержанта. Помятый и несвежий, Решкин глядел на своего спасителя, как побитая собака, тяжело вздыхая и шмыгая носом, давал понять, что вину сознает и после опохмелки готов исправиться. Подойдя к стойке, расписался в какой-то бумажке, дескать, претензий не имею, все вещи возвращены в сохранности. И следом за Колчиным вышел из помещения. Обратной дорогой, продолжая вздыхать и оступаться на ровном месте, Решкин плелся за следом и шепотом самому себе жаловался на жизнь и произвол, творимый ментами.

– Иди в номер, переоденься и прими душ, – Колчин вложил в ладонь Решкина ключ. – Через полчаса мы прокатимся.

– Валера, может, вы один прокатитесь? А я бы поспал немного. Стыд, какой... Господи, что бы сказала моя бедная мамочка, царство ей небесное? – Решкин вытер хмельную слезинку. – Пожалуй, ничего не сказала. Накатила стакан наливки. И на боковую.

– Что бы ни сказала твоя мамочка, одного я тебя в гостинице не оставлю. Иначе очутишься в спецприемнике для бродяг. Вытащить человека оттуда трудней, чем из трезвяка. Собирайся.

Колчин вернулся в номер, вытащил из сумки мобильный телефон со встроенным скремблером, защищавшим от прослушки, набрал номер одного из оперов, помогавшим ему в Нижнем Новгороде.

– Володя, есть поручение, – сказал он. – Мы с моим подопечным отправляемся в дом отдыха «Волжские дали», примерно в тридцати километрах от города. Вернемся завтра к вечеру, часам к шести. До этого времени мне нужно все знать о дежурном смены местного вытрезвителя лейтенанте Александре Горбцове.

Колчин назвал адрес трезвяка.

– Что именно вас интересует?

– Все, абсолютно все. Семейное положение, где живет, как с деньгами, есть ли любовница, долги, играет ли в карты. Ну, ты понимаешь. Постарайся выяснить, что за порядки в этом вытрезвителе. А именно: были случаи исчезновения людей, которые воспользовались услугами борцов за трезвость. Работа большая, подключи своих парней, и не жалея казенных денег. И еще. Следует проверить, не продавался ли за последние десять дней на автомобильном рынке «Форд Эксплорер» Сальникова.

– Что, появился след?

– Пока только предположение. Очень зыбкое.

* * *

До дома отдыха «Волжские дали» ездят на доброй машине всего ничего. Колчин, сверяясь с картой, быстро нашел дорогу. На заднем диване разметался Решкин, он спал как ребенок, причмокивая губами и пуская слюну. Когда джип въезжал в ворота, Олег неожиданно проснулся и озвучил мысль, которая не давала покоя все утро.

– Менты совсем совесть пропили, – сказал он. – Вчера вечером у меня был полный лопатник денег, а теперь там вошь на аркане. И еще за мифические услуги содрали, что б их вырвало, сук.

Прекрасным зданием со всеми удобствами оказалась невзрачная кирпичная коробка, сложенная торопливыми шабашниками и обнесенная деревянным забором. К основному корпусу пристроили стекляшку столовой, напоминающей аквариум с немытыми стенками. Оставив машину на пустой стоянке, спутники вошли в холл, остановились перед стойкой администрации, заполнили регистрационные карточки. И долго ждали появления, как значилось на табличке, старшего администратора Лидии Петровны Скоковой. Наконец пришла женщина средних лет с золотой мушкой на щеке, приклеенными ресницами и такой высокой прической, будто волосы она все утро взбивала миксером. Если администратор и удивилась, что в «Волжские огни» в будний день пожаловали два хорошо одетых мужчины из самой Москвы, то виду не подавала.

– Нам, пожалуйста, один двухместный номер, – сказал Колчин. – Желательно с видом на Волгу.

– Один на двоих? – женщина, сморгнув длинными ресницами, посмотрела на Колчина поверх очков. – Сейчас у нас есть одноместные номера, разница в цене мизерная. Сущие копейки. Кроме того, в двухместных номерах нет вида на реку. По ту сторону только забор и поляна, заросшая лопухами. Первобытный пейзаж.

– Сойдет и поляна, – не сдался Колчин. – Нам нужен именно двухместный номер. Понимаете?

Администратор на секунду глубоко задумалась. Наконец ее озарило.

– А, теперь, кажется, понимаю.

Скокова обвела внимательным взглядом Колчина и его спутника, многозначительно улыбнулась, давая понять, что она человек широких либеральных взглядов и к однополый любви относится терпимо.

– Наверное, гости из Москвы у вас не часто останавливаются? – Колчин положил на стойку паспорта.

– Из Москвы? Обижаете, – патристически-настроенная администратор надула губы. – У нас недавно даже гражданин Франции останавливался. И пришел в тихий восторг. Вот так. От природы, погоды и всего такого прочего.

– Из самой Франции?

Колчин, не рассчитывавший на скорую удачу, от удивления задержал дыхание. Он вручил Решкину ключ от номера, наказал не прикасаться к початой бутылке, лежавшей в чемодане, не ходить в буфет за пивом, а ждать его наверху. Сам наклонился к дорожной сумке, расстегнув «молнию», поставил на стойку флакон духов «Кашарел».

– Конечно, я не француз, – сказал он. – Но в женской парфюмерии немного разбираюсь. Запах духов – очень изысканный.

– Это мне? – на этот раз удивилась Скокова.

Через двадцать минут Колчин узнал все, что даже не мечтал узнать, направляясь сюда. Мужчина по имени Максим Сальников, предъявивший при регистрации паспорт гражданина Франции, и его подруга Татьяна Гришина поселились здесь одиннадцать дней назад в единственном номере люкс, заплатив вперед за неделю. Это были очень воспитанные господа, с манерами, умеющие одеваться и достойно держать себя. Одно слово, порода. Когда они первый раз вышли в столовую, даже повара побросали работу, чтобы взглянуть на эту парочку. Мужчина увлекался фотографией, весь вечер он провел на воздухе, вытащил с собой целую сумку аппаратуры, камеры, объективы и даже штатив. Темно багровый солнечный шар медленно садился за лесом на том берегу реки, оставляя на мертвой зыби красную дорожку, у воды сидел одинокий рыбак, разложив удочки на рогатках. Клев был так себе. Но Сальникова

эта картинка вдохновила. Он вернулся в корпус, когда стемнело, и пребывал в прекрасном настроении, даже на ужин не пошел. Сказал, что сыт еще с обеда.

Со своей красоткой заперся в номере и, обвешенный фотокамерами, снова появился в холле ни свет, ни заря. Он где-то пропал до обеда, вернулся уставшим, будто пешком исходил весь дальний лес. Около пяти часов вечера на стойке администратора зазвонил телефон. В доме отдыха всего одна телефонная линия, в номерах телефонов нет. Как правило, постояльцам, если им звонят из города, администрация не разрешает пользоваться служебным аппаратом. Если хочется поболтать, в холле установлены три таксофона. Но тут случай особый.

В тот вечер выпало дежурить Скоковой. Она вежливо поинтересовалась, кто беспокоит постояльца и что ему передать. «Мне он нужен срочно, по делу, – мужчина говорил глухим отрывистым голосом. Впечатление такое, будто телефонную мембрану прикрывали носовым платком. – Если вас не затруднит, позовите его. Я подожду, сколько надо». Скокова возражать не стала, вылезла из своего закутка, поднялась лифтом на четвертый этаж, постучала в дверь. Сальников, одетый в спортивный костюм, сидел перед столиком, на котором стояла вазочка с печеньем и бутылка породистого коньяка. Кажется, парочка отмечала какое-то событие или дату. Скокова передала просьбу звонившего. И вместе с Сальниковым спустилась вниз.

Разговор продолжался недолго. Максим отвечал односложно: «Да, да... Понимаю... Очень странно. Я ни от кого не жду посылку. Может быть, это ошибка? Моя фамилия Сальников. Проверьте еще раз». Когда он положил трубку, лицо оставалось напряженным. Он секунду постоял в раздумье и сказал, что они с подругой должны срочно выехать в город, вернуться сегодня же вечером, в крайнем случае, завтра утром. Ни вечером, ни утром Сальников и Гришина не появились. Их чемоданы с вещами и фотокамеры остались в запертом номере.

На следующий день позвонил мужчина, который представился референтом какой-то крупной западной фирмы, где по договору работает Сальников. Якобы референт уполномочен передать просьбу бывшего постояльца. Оставленные вещи упаковать в чемодан и оставить в камере хранения дома отдыха, если такая имеется, или в какой-нибудь подсобке. Максима срочно отозвали в Москву для заключения финансового соглашения. Но он обязательно вернется через неделю, в крайнем случае, через две недели.

– Я записала название фирмы и фамилию референта на отрывном листке. Но бумажка где-то затерялась. Возможно, выбросила уборщица. Фамилия... Кажется, Жуков. А вот название фирмы не вспомню, что-то на французский манер.

– И где же сейчас вещи Сальникова?

– У нас здесь воров нет. Чемоданы и сумка с аппаратурой в кабинете заместителя директора по хозяйственной части. Лежат на антресолях и ждут хозяина.

Колчин поднялся в номер, толкнул приоткрытую дверь. На подоконнике – пустая бутылка, которую успел-таки прикончить Решкин. Из пепельницы торчал мундштук скуреной папиросы, а по номеру плавал сладковатый запах анаши. Сам обитатель вытрезвителя, раздетый до трусов, даже не сняв с кровати, покрывало, валялся на боку и сопел в обе дырочки. Открыв окно настежь, Колчин, повесил брюки и пиджак на спинку стула, растянулся на соседней кровати. Подложив ладони под голову, он смотрел в потолок, слушал монотонное сопение соседа и думал, что администратор Скокова права: следовало поселиться в отдельных номерах, за Решкиным все равно не углядишь, а перевоспитывать этого хмыря уже поздно.

Глава 9

Нижний Новгород. 21 августа

После развода с женой, случившегося около года назад, старший лейтенант Александр Горобцов, не без помощи бывшей супруги Евгении, строивший милиционеру жуткие козни, неудачно разменял общую квартиру. Пережив два гражданских суда, раздел имущества и множество мелких унижительных дрызг и скандалов с бывшей супругой, он оказался в большом минусе. Жена получила прекрасную двухкомнатную квартиру и спустя пару месяцев после развода выскочила замуж за адвоката, совладельца юридической фирмы. А спустя еще три месяца, съехавшись с этим плешивым уродом, переселилась в шикарные хоромы аж в восемь комнат. А несчастный Горобцов очутился в убогом домике на окраине города. Три небольшие комнаты, летняя веранда с прогнившими шаткими полами, за штaketником забора палисадник, заросший диким шиповником и какими-то сорными цветочками, название которых лейтенант не помнил.

Впрочем, дом, – красивое название для этого курятника. Построенный лет сорок назад из негодного бросового материала, домишко медленно, но верно приходил в упадок, здесь кишели мыши, а стены грыз жучок. Окончательно испортила существование соседская собака, умеющая тявкать часами напролет без перерыва, она не давала спокойно спать ночами. По мере сил Лейтенант привнес сюда некое подобие уюта. Перевез от бывшей жены кое-какую мебель, купил спальный гарнитур, ковер и огромную вазу богемского стекла.

К следующей весне Горобцов, попытается начать новую жизнь и выберется из этой помойки. Сделает косметический ремонт, чтобы сбыть дом каким-нибудь лохам, хачикам с центрального рынка, которые гоняются за новгородской пропиской. И возьмет подобающую цену, сам в убытке не останется, даже заработает на этой халабуде. Купит новую квартиру и, когда выпадет свободное время, через знакомых ментов вплотную займется теперешним мужем Евгении, устроит ему лично и его юридической шарашке такую веселую жизнь, распушает всех клиентов. Эти адвокаты, бумажные твари, перестанут думать о прибылях, поглощенные подсчетами убытков.

А пока Горобцов ишачит в поте лица, устроившись сразу на две работы. Сутки дежурит в вытрезвителе, по окончании смены топает домой и отсыпается. К четырем вечера снова надевал форму и отправляется в офис коммерческой фирмы «Дикая магнолия», разбогатевшей на продаже женского белья и постельных принадлежностей. До одиннадцати ночи, пока не уходила последняя уборщица, он торчит на вахте. На следующий день смена в «Магнолии» начинается ровно в полдень и продолжается до восемнадцати ноль ноль. Этот сумасшедший ритм предельно спрессовывал свободное время милиционера и его частную жизнь. Женщина, с которой Горобцов состоял в интимных отношениях, не выражала восторга оттого, что ее любовник где-то телепается ночами, а днем пропадает в своем трезвяке, ей же достаются какие-то жалкие крохи его свободного времени. А плотской любви и вовсе нет. Он вечно уставший, сонный, да и относится к ней по-скотски: отвернется к стене и захрапит.

Но женские капризы не в счет. Деньги то текли к Горобцову полноводной рекой, то бежали веселым ручейком, – а это главное. Сегодня Горобцов освободился, отдежурив в «Магнолии» по укороченной программе, на час раньше обычного. Он вышел на воздух, остановил какого-то чайника азербайджанца, выехавшего подработать, и назвал свой адрес. Водителю не хотелось переться на другой конец города, гробить машину на разбитых окраинных дорогах, но милиционер, очень приличный на вид и, что удивительно, трезвый в столь поздний час, обещал не обидеть, заплатить вдвое больше обычной таксы. Когда подъехали к частному дому в глухом переулке, освещенным одиноким фонарем, Горобцов даже не подумал выполнить свое обещание.

– Спасибо за помощь милиции, – сказал он и уже собрался вылезать. Но тут водитель попытался робко возразить, напомнить о денежном долге. Горобцов покрыл его матом и добавил:

– Еще одно слово, чурка долбанная, и ты у меня просидишь в кандее трое суток. Это как минимум. А твои безутешные родственники будут шастать по всему городу, и искать тебя, козел, с фонарями. Живого или мертвого. Ясно?

– Ясно, гражданин начальник, – водитель вжал голову в плечи, будто опасался удара кулаком по макушке.

– Ты подвез работника милиции, выполнил свой гражданский долг, – сказал Горобцов. – И еще смеешь клянчить у меня, у офицера, какие-то деньги? Ты знаешь, что бывает за такие вещи? И вообще у тебя совесть есть или ты ее съел вместе с дерьмом?

Ясно, денег не видеть, как своих ушей, а в камеру можно запросто загреметь только потому, что твоя рожа не понравилась милиционеру.

* * *

Закончив воспитательную беседу, Горобцов с чувством исполненного долга вылез из машины. Открыл навесной замок на калитке, прошел палисадник и, поднявшись на крыльцо, протопал по веранде. Попытался зажечь лампочку над дверью, но та почему-то не загоралась. В кромешной тьме он долго не мог попасть ключом в щель, даже с досады пнул дверь ногой. Наконец ключ вошел в скважину, Горобцов очутился в тесной прихожей, повесил на крючок форменный китель и картуз с кокардой. Оставшись в милицмейской рубахе грязно серого цвета, испорченной чернильным пятном от вытекшей ручки, присел на табурет, стал стягивать ботинки, разминать натруженные ноги.

Весь день душу глодала тревога, не отпускаявшая и сейчас. Накануне в вытрезвитель загремел некий Решкин, турист из Москвы, а наутро вносить плату за услуги явился фармацевт, якобы друг того пьяницы. И показал фотографию гражданина Франции Сальникова и его невесты Татьяной Гришиной, навел справки, совал нос не в свое дело. Горобцов, постарался убедить фармацевта, что и духу француза не было в вытрезвителе, даже показал регистрационный журнал. Фармацевт внес деньги по квитанции и ушел, а душевное беспокойство осталось. Лейтенант сказал себе, что жизнь полна совпадений и странных казусов, а какой-то заезжий аптекарь в его городе никто, просто хрен на ровном месте: ни связей, ни знакомств, поэтому никакого вреда лично Горобцову этот обормост причинить не сможет. И доказать ничего нельзя, даже если этот жалкий поц потратит на свое частное расследование все сбережения, что отложил на старость.

Лейтенант влез в вонючие шлепанцы, по коридору прошел на кухню, попил воды из чайного носика. Коридором прошел в гостиную, нажав ладонью выключатель, врубил свет. И застыл на пороге комнаты. В кресле у окна, положив ноги на журнальный столик, сидел тот самый фармацевт, что накануне приходил в вытрезвитель. Сердце Горобцова екнуло, он открыл рот, поморгал глазами, не зная, что следует говорить в подобных случаях.

– Вы... Вы как здесь оказались? – лейтенант набрал в грудь побольше воздуха и, не дождавшись ответа, рявкнул. – Немедленно вытряхивайся отсюда. Да я сейчас...

Он задом шагнул в прихожую, где стоял телефон, но тут за спиной возник какой-то невзрачный тип в кепке. Человек ткнул Горобцова в шею стволом пистолета.

– Полегче, лейтенант. Подними руки до уровня плеч. Замри. Так и стой.

Человек, похлопав ладонью по карманам Горобцова, отступил на шаг. Колчин продолжал сидеть в кресле и чему-то нахально улыбаться.

– Тогда в вытрезвителе ты соврал мне, будто никогда не видел Сальникова, – сказал Колчин. – Теперь я хочу услышать правду.

– С чего вы взяли, что я вру?

– Я знаю сто с лишним способов определить, говорит человек правду или лжет, – вежливо ответил Колчин. – Эта процедура занимает всего несколько секунд.

Лейтенант стоял посередине комнаты, стараясь держаться достойно, сохранять внешнее спокойствие. Он пытался оценить свои шансы. Табельный пистолет сдан в оружейную комнату, в «Магнолии» Горобцов дежурит безоружный, вешая на пояс кобуру, набитую тряпками. Но в доме есть незарегистрированный ствол, в коробке из-под ботинок на антресолях пылится ТТ со снаряженной обоймой. Но как завладеть им, если тебя держат на мушке. Получалось, что положение Горобцова аховое, а шансы добраться до ТТ ничтожны. Кроме того, лейтенант, стоявший в собственной комнате с вытянутыми в стороны руками, выглядел глупо, комично. Как полоумный физкультурник, собравшийся на ночь глядя, сделать гимнастические упражнения.

– Врущего человека выдают глаза, беспокойные руки? – лейтенант натянуто улыбнулся. – Или что-то еще?

– С тобой все проще, – Колчин поднялся с кресла, подошел к Горобцову, встав от него на расстоянии шага, заложил руки за спину. – Ты не умеешь убедительно врать, хотя и стараешься. У меня все тот же вопрос: когда, где, при каких обстоятельства ты встретил моего друга?

– К вашей история я не имею никакого отношения, – Горобцов почувствовал, что к нему возвращается дар речи. – И вашего друга я в глаза не видел. Не знаю, почему вы ко мне...

Горобцов хотел закончить фразу словом «привязались», но не успел договорить. В следующее мгновение неизвестно откуда вылетел тяжелый кулак и врезался в верхнюю челюсть. Лейтенант даже не понял, с какой руки бил Колчин. Чудом устояв на ногах, он, взмахнул руками, отступил к платяному шкафу. И вдогонку получил второй удар, куда тяжелее первого. Лейтенант почувствовал, как подметки старых тапочек отрываются от пола. Спинай влетел в бельевой шкаф, выломал дверцы, и завяз где-то в темноте, в грудке женского белья, что держала здесь подружка. Горобцов, встав на карачки, на четырех конечностях выполз из шкафа. Теперь он плохо ориентировался в пространстве.

Чья-то рука стянула с головы женские трусики, купленные на распродаже в «Дикой магнолии». Лейтенант получил под ребра жестким рантом ботинка. Этот удар неожиданно поставил его на ноги. Горобцов метнулся в смежную спальню, но потерял ориентировку, снова наткнулся на чей-то кулак, впелся лицом в ковер, висевший на стене. И получил кулаком в затылок. Подняв руки, лейтенант сжал пальцы, повис на ковре, сорвав его со стены, плюхнулся на пол, и огреб встречный удар в лицо подметкой башмака. Но ему не дали упасть, кто-то схватил Горобцова за шиворот рубашки, вторая пятерня вцепилась в волосы и дернула вверх, как лебедка подъемного крана.

Что-то тяжелое ударило в живот и плечо. Совершив в воздухе сумасшедший пируэт, Горобцов снес ногами верх стеклянной горки, забитой дорогой посудой и ценными вещами. И снова ему не дали возможности передохнуть на полу хоть несколько коротких секунд. Лейтенанта вновь поставили на ноги, подняв вверх за ремень форменных штанов. И толкнули в грудь с такой нечеловеческой силой, что он, как тяжелый таран, врезался в тухлявую стену, изъеденную жучком, проломил ее, будто перегородка была сбита из гнилого картона, и оказался на полу в спальне. Сверху посыпалась какая-то труха, прошиб запах плесени и гниения. Горобцов успел подумать, что после этого погрома за дом не удастся взять и половину цены, на которую он рассчитывал, даже последний палаточник с рынка не согласится купить эти жалкие руины. А гостинный гарнитур можно пустить на дрова. Эта мысль сверкнула как молния и исчезла во мраке ночи.

В следующее мгновение, лейтенанта приподняли и бросили на кровать, ножки которой, затрепав, подломились, надвое разломилась полированная спинка из карельской березы. Люстра закачалась под потолком, слетела с крюка, повиснув на проводах, замигала лампочками. За ноги лейтенанта стянули с испорченной кровати, кто-то засадил кулаком по ребрам,

кто-то въехал в ухо. Горобцов не думал о защите, уже не мог даже закрыться предплечьями от ударов, не мог крикнуть, потому что ему не хватало воздуха. Левый глаз заплыл, а правый видел какую-то бессвязную мозаику из предметов и мутных человеческих образов. Жестокий прямой в челюсть, отбросил его к зеркальному трюмо. На лету Горобцов выплюнул пару выбитых зубов, раздавил спиной зеркало, брызнувшее острыми осколками, смахнул огромную вазу богемского стекла.

Сердце опускалось куда-то в желудок, потом подскакивало и стучало возле самого горла. Горобцов харкнул кровью, решив, что через несколько минут его забьют до смерти, сотрут в утиль, в порошок. И спасения нет. Свет в глазах померк, показалось, в правое ухо с разворота саданули кувалдой.

* * *

Горобцов пришел в себя через несколько минут, когда на его физиономию полилась струйка холодной воды из графина, воды, которой он изредка поливал засыхающий фикус. Опираясь на руки, лейтенант оттолкнулся ладонями от пола, сел, тихо застонав, осмотрелся по сторонам. По воздуху летал пух, вылезший из разодранной ногтями подушки. Разрушения в доме выглядели совершенно ужасающими. Платяного шкафа, стоявшего в гостиной, как такового больше не существует, его место заняла груда поломанных досок вперемежку с тряпками любовницы. От стеклянной горки чудом сохранилась нижняя часть. Но хуже всего выглядели стены. Два огромных пролома, справа и слева, в которые запросто пройдет лошадь. Второй пролом, в стене между спальней и кухней, вообще неизвестно когда появился. Кажется, Горобцов таранил стену лишь единожды. Впрочем, много он мог просто не помнить...

Лейтенанта штормило, подкатывала тошнота. Перед глазами расплывались темные круги, при каждом вздохе острая боль прокалывала поврежденные ребра. А в башке творилось что-то невообразимое. Ощущение такое, что голову оторвали, а затем пришили на место. Но не совсем удачно. Мокрая рубашка в кровавых разводах прилипла к телу, а вода все лилась и лилась за шиворот. Грозной тенью нависал какой-то человек, то ли убийца, выдававший себя за фармацевта, то ли его напарник. Сил поднять голову не было. Лейтенант опустил взгляд и почувствовал, как вдоль позвоночника, промчалась стайка муравьев, больших и холодных как лед.

Пока он был в забытии, чертов аптекарь разрезал брючный ремень, расстегнул «молнию» и спустил штаны вместе с трусами до самых колен. Рука в хозяйственной перчатке из толстой резины крепко держала Горобцова за пенис, в другой руке аптекарь сжимал нож-бабочку с двойной заточкой. И уже сделал первый пробный надрез на коже у самого основания члена. Кровь из ранки капала на доски пола.

– Сальникова и Гришину доставили в вытрезвитель дней десять назад, – выдавил из себя лейтенант. Распухший язык едва шевелился. – Вернее так... После обеда, ближе к вечеру, к нам заехали два оперативника местного ОВД. Они сунули мне пятьсот баксов и сказали, что примерно через часа на стоянке гостиницы остановится джип «Форд Эксплорер», из машины вылезет мужчина. Его надо задержать и доставить к нам. Всего-то и дел. И это за такие деньги. Я был дежурным смены... Я был дураком... Вы меня убьете?

– Все зависит от того, что ты скажешь, – ответил Колчин. – Ты уже убедился, что врать – только себе хуже делать. Одно слово лжи, и... Ты знаешь, что случится дальше. Через час на этом месте будет пепелище и обгоревший до неузнаваемости труп, лишенный мужского достоинства.

– По... Понял, – Горобцов проглотил застрявший в горле комок. – В тот день со мной в вытрезвители находились еще три милиционера, фельдшер и уборщица. И еще водитель эки-

пажа службы доставки. Ему досталось две сотни. Пожалуйста, уберите нож. И дайте воды. Иначе я не смогу говорить.

Колчин сложил ножик-бабочку, стянул резиновые перчатки и сунул в дрожащую руку лейтенанта пластиковую бутылку, на дне которой плескалось два глотка ржавой воды.

– Теперь говори.

* * *

Через полчаса Горобцов лежал в спальне, чутко прислушиваясь к шагам в прихожей. Это фармацевт и его помощник, топя башмаками, неторопливо покидали дом. Горобцов приподнялся, привалившись спиной к матрасу разломанной двуспальной кровати, перевел дух. Голова гудела, как перегревшийся паровой котел, сил не осталось даже на то, чтобы встать, пройти в ванную и прилепить к поцарапанному ножом члену полосу антисептического пластыря. Пока он даже не способен натянуть спущенные штаны.

Горобцов подумал, что нападение на офицера милиции, причинение ему побоев и порча имущества, – серьезное преступление. И надо бы позвонить куда следует, пока эти твари не ушли далеко. Но тут же отмел эту глупейшую мысль. Он слишком хорошо знал, как действует неповоротливая милицмейская машина. Пока примут меры, сообщат на все посты приметы нападавших, пройдет часов десять, не меньше. Преступников и след простынет. А в одну прекрасную ночь Горобцов заживо сгорит в этом курятнике.

Но дело обернется плохо, даже если бандитов каким-то чудом задержат. Тогда в ходе следствия Горобцову придется объяснить многое, отвечать на вопросы, которые он совсем не хочет слышать. Глядишь, за ходом судебного заседания он будет наблюдать через прутья клетки, установленной в зале. Лучше так: милицию он вызовет часа через два, сообщит, что неизвестные в масках напали на него. Били смертным боем до тех пор, пока Горобцов не сказал, что сбережение, заработанные праведным трудом, хранятся в нише за кухонной полкой. Не очень убедительно, но это лучше, чем правда.

Шаги удалялись, вот бандиты протопали по веранде, но почему-то остановились. Послышались тихие голоса. Лейтенанта передернуло от мысли, что бандиты могут передумать и вернуться, решив не оставлять живого свидетеля. Лейтенант, не двигаясь с места, прислушался, кажется, правое ухо слышит куда хуже левого. Топот ног на веранде. Несколько глухих ударов. Кажется, с разворота лупят подметкой ботинка по дереву. Точно, быют по двум столбам, поддерживающим крышу веранды. Удары стихли, но уже через секунду Горобцов вздрогнул он оглушительного грохота. Столбы, прогнившие снизу, не выдержали. Крыша обвалилась, лопнули застекленные рамы, поползла вниз, обрушилась шиферная кровля.

– Господи, – прошептал Горобцов, чувствуя, что слезы снова наворачиваются на глаза. – Господи...

Других слов он не мог вспомнить.

Глава 10

Париж, пятнадцатый округ 22 августа

Отец Владимир Сальников не заглядывал в парижскую квартиру сына около полугода, с того времени, когда Максим приезжал сюда на две недели из Брюсселя улаживать какие-то дела с издательством, заключившим договор на выпуск альбома фотографий «Неизвестная Россия». Ничем непримечательный восьмиэтажный дом в три подъезда, построенный полвека назад, находился на узкой улице неподалеку от станции метро Лоюрмель. Времена, когда в доме жили респектабельные буржуа, ушли в прошлое. Теперь здесь поселилось много иностранцев, в своем большинстве не самые бедные выходцы из бывших французских колоний.

Фасад здания обветшал, красная ковровая дорожка, некогда покрывающая ступени лестницы сначала вытерлась до дыр, а потом и вовсе исчезла, консьержку заменил кодовый замок на двери подъезда. Отец Владимир, не дожидаясь лифта, поднялся на третий этаж пешком, открыл врезной замок и, переступив порог квартиры, вытер ноги о коврик, прошел в комнату. Он зажег свет, потому что вертикальные жалюзи оказались опущенными, а плотные шторы наглухо задернутыми. Комната оклеена потускневшими от времени темными обоями и обставлена кое-как, мебелью, купленной по случаю на рынке или у торговцев антикварным старьем. По левую руку на массивных тумбах одна на одной стоят открытые полки, заставленные безделушками, привезенными сыном со всех концов света, книгами на русском и французском языках, художественными альбомами с репродукциями фотографий и авангардной живописи.

Справа старинный бельевой шкаф, украшенный ручной резьбой, еще более древний комод с латунными ручками, множеством ящичков и отделений. У окна безвкусная софа, обитая гобеленовой тканью с восточным рисунком, и красно-синими подушками с золотыми кистями. Рядом пара мягких стульев и овальный столик со стеклянной столешницей, на полу пылится пара стаканов и пустая бутылка «Божоле». По стенам вместо картин развешены большие фотографии в пластиковых рамках, в основном черно-белые, сделанные сыном или его знакомыми. В соседней крошечной комнате, с вечно закрытыми окнами, помещалась фотолaborатория Максима, там стоял компьютер для обработки снимков, выполненных в цифровом формате и какая-то другая техника, назначения которой отец Владимир не понимал.

Постояв минуту посередине комнаты, он повесил пиджак на спинку стула, присел на софу и стал задумчиво разглядывать книжные полки.

Отец Владимир давно советовал сыну продать эту квартиру, купленную еще в те времена, когда Максим работал в крупном парижском издательстве и получал приличные деньги. Теперь свободному фотографу, живущему в Париже не более месяца в году, эта недвижимость не по карману. Даже самые поверхностные подсчеты показывали: Максим едва сводит концы с концами и не может вносить высокую квартирную плату и ежегодный трехпроцентный налог на имущество. Еще совсем недавно отец Владимир мало задумывался о финансовых делах сына, теперь эти мысли не давали покоя, просто сводили с ума. Каким-то чудесным образом Максим мог позволять себе быть щедрым, даже расточительным человеком. Судя по одежде, дальним путешествиям, из которых он не вылезал, деньги у него не переводились.

Ясно, что художественная фотография не может принести сколько-нибудь значительных доходов. Тогда что остается? Карты? Долги? Двойная жизнь профессионального жигало? Сотрудничество с порнографическими журналами или подпольными дельцами, тиражирующими развратные снимки и видеозаписи с участием детей?

* * *

В гостинице Данилова монастыря Сальников прокрутил видеозапись с обращением сына о помощи, выучив его наизусть. Отец Владимир повторял эти слова, но не находил в них ни логики, ни смысла. Во-первых, какой еще кабриолет «Гольф»? У сына никогда не было кабриолетов. Если нет машины, какой движок он собирается перебирать своими руками, чтобы потом отправиться в Испанию и на португальское побережье? Во-вторых, Максим никогда не увлекался поэзией. Отец Владимир, встав с софы, поставил стул перед книжными полками. Томика Блока не видно, мало того, нет ни одного поэтического сборника. На книжных переплетах вековая пыль.

Засучив рукава рубашки, Сальников принялся вытаскивать книги, складывая их стопками на пол, справа от себя. Безделушки и сувениры поставил по левую сторону. Он потрогал задние стенки, сделанные из толстой фанеры. Стенка средней полки плохо укреплена, если нажать посильнее, нижняя часть прогибается. Сальников сходил на кухню, вернувшись с отверткой. Чтобы не испачкать брюки, расстелил на полу газету, встал на колени, будто собирался молиться. Он выкрутил винты из пластмассовых уголков, зацепив прямоугольник фанеры отверткой, вытащил заднюю стенку. Под куском приклеенной скотчем бумаги он увидел дверцу замурованного в стене миниатюрного сейфа. Сбоку круглая рукоятка с набором цифр от единицы до сотни и буквами латинского алфавита.

Сальников подергал рукоятку, покрутил ее из стороны в сторону. Снял с верхней полки рабочую лампу, передвинул ближе к полке журнальный столик. Сыну хотелось взять с полки томик Блока. Сальников покрутил рукоятку, последовательно совместив со стреловидным указателем, на корпусе сейфа пять латинских буквы: Блок. Никакого результата. Он набрал имя и фамилию поэта. Затем попробовал произвести эти же действия в обратном порядке. Дверца не открылась.

Добрых полчаса отец Владимир ковырялся с замком, набирая, все пришедшие на ум комбинации букв. Тогда он одна за другой накрутил цифры, соответствующих порядковым номерам букв русского алфавита, из которых состоит имя и фамилия Александра Блока. Буква А – номер один, Б – двойка и так далее. Сальников раз десять сбивался со счета, начинал с начала и опять сбивался. Наконец догадался в два столбца написать на литке записной книжки русский алфавит, присвоив каждой букве порядковый номер. Сальников начал с начала. Александр Блок... Наконец, замок щелкнул, дверца легко открылась.

Отец Владимир придвинул лампу поближе, заглянул в черное нутро сейфа, запустив руку внутрь, вытащил две толстые пачки денег, перехваченные бумажной лентой с символикой Национального банка Франции. И еще две пары ключей с брелками дистанционного управления, похожий на старинную монету латунный жетон гаража «Форум». На передней стороне выбит абрис автомобиля неизвестной марки, гаечного ключа и крепостной стены, на реверсе порядковый номер владельца гаражного бокса. Больше ничего нет, сейф пуст. Сальников разорвал бумажные ленты, пересчитал банкноты достоинством в пятьдесят и сто евро. Получилось ровно восемьдесят тысяч.

Обычный экономный француз, который не обедает в ресторанах на Елисейских полях и не одевается в бутиках на площади Святого Сульпиция, на эти деньги достойно проживет несколько лет и еще отложит на старость.

Сальников вошел в рабочий кабинет сына, включил компьютер и, когда загорелся экран монитора. Через полтора часа отец Владимир закончил беглый просмотр информации, хранившейся на жестком диске. Фотографии, фотографии и снова фотографии. Многие сотни, тысячи цветных и черно-белых снимков. Галерея портретов людей, видов дикой природы в

разные времена года, старинные русские храмы, сельские кладбища, крохотные деревни... Никакой детской порнографии, актов скотоложства.

* * *

Гаражный комплекс «Форум» занимал два десятиэтажных здания на окраине города. Сальников прошел в помещение офиса, предъявив номерной жетон и паспорт контролеру, сидевшему за стойкой. Контролер, полистав паспорт, покопался в компьютере, вернул жетон и вызвал молодого человека в оранжевой фирменной спецовке с логотипом «Форума» на груди и спине.

– Пригнать машину, месье? Или вы сами подниметесь в бокс?

– Подожду внизу, – ответил Сальников.

Через холл он прошел на внутренний двор гаража. Через пять минут из ворот выехал «Гольф» с открытым верхом. Служащий вышел из машины, передал ключи отцу Владимиру.

– Поднять верх, месье? – спросил молодой человек. – Кажется, собирается дождь.

– Спасибо, я сам справлюсь, – ответил Сальников.

– Тогда до свидания. На выезде предъявите жетон контролеру.

Сальников пригляделся к автомобилю. «Гольф», судя по белоснежному салону, резине и кузову, изготовленному фирмой «Карманн», совершенно новый. Отец Владимир проверил, нет ли в багажнике каких-то вещей, сумки или кейса. Ничего кроме заправки, пустой канистры, емкости с машинным маслом и набора инструментов. Сальников расстегнул два стопорных крючка, потянул крышу на себя, развернув сложенный тент. Закрепив его, сел за руль, бросив портфель на пассажирское сидение, повернул ключ в замке зажигания. На низких оборотах двигателя даже не слышно. Ясно, что ни в какой переборке он не нуждается. Сальников тронул машину с места, совершил круг по двору. Показал жетон вышедшему из будки контролеру и, дождавшись, когда поднимется красно-белый шлагбаум, вырулил на улицу.

Через час он загнал машину в гараж церковного прихода. В поздний час в этом отдельно стоящем здании не оказалось никого, отцу Владимиру не мог помешать даже старик сторож, который сейчас наверняка уже спит. Сальников зажег верхний свет, переоделся в старый свитер и заляпанные пятнами рабочие штаны. Максим говорил, что мечтает перебрать движок своими руками. Вытащив инструменты, Сальников, открыл капот, принялся осматривать моторный отсек. Ясно, здесь нельзя спрятать даже пару несвежих носков. Покончив с этим делом, он снова осмотрел багажник автомобиля, довольно вместительный, с низкой погрузочной площадкой. В задумчивости отец Владимир присел на верстак.

Через несколько минут Сальников снял с направляющих водительское сиденье, перевернув его, вспорол опасной бритвой обивку, отстегнул пружины, крест на крест разрезал уплотнитель. И вытащил из сиденья плоский джутовый мешок. Ухватив мешок за края, вывалил на бетонный пол толстые упаковки американских долларов в герметичной целлофановой упаковке. Купюры по десять и двадцать долларов. Отец Владимир долго стоял, разглядывая кучу денег. Мысли путались, голова кружилась так, будто ее только что вытащили из барабана стиральной машины. Дождевые капли стучали о крышу гаража, в темном углу возилась потревоженная мышь. Сальников, немного успокоившись, занялся пассажирским креслом. Через несколько минут на полу гаража выросла еще одна горка американских долларов в вакуумной упаковке.

Еще около часа отец Владимир возился с машиной, приводя в порядок и устанавливая испорченные кресла. Гараж прихода он покинул во втором часу ночи. Надев брезентовый плащ, вышел под дождь. С собой он тащил мягкий чемодан, набитый деньгами. Дверь парадного отца Владимир открыл своим ключом, вызвал лифт, поднявшись на последний шестой этаж, вошел в квартиру и запер дверь на оба замка и засов. Зашторив окна, принес в спальню

чемодан и вывалил его содержимое на кровать. Вооружившись бритвой, Сальников вскрыл упаковки с долларами и долго пересчитывал купюры.

Если приплюсовать деньги, найденные в сейфе на квартире сына, получалось больше миллиона долларов. Он снова собрал банкноты в толстые пачки, перехватив их резинками от лекарственных упаковок, сложил в новый чемодан «Джеймс Смит» с наборным кодовым замком, сверху бросил пару рубаш и полотенце. Если в дороге чемодан каким-то немыслимым образом все же откроется, попутчики Сальникова смогут увидеть эти тряпки, только и всего. Он подошел к зеркальному трюмо, присел на пуфик и, повернул к себе застекленную фотографию покойной жены в рамке из дуба, сказал:

– Маша, я делаю то, что сделал бы на моем месте любой отец. Эти деньги – пропуск нашего сына на свободу. Теперь мне не надо идти против совести и перевозить на территорию Франции какой-то сомнительный груз.

Сальников присел к письменному столу у окна, достал из ящика стопку бумаги и чернильную ручку. Около часа он составлял черновик завещания, расписывая, как распорядиться тем немногим, что нажито за долгую жизнь. «Деньги, лежащие на моем счету в банке, прошу направить на нужды домового храма святого апостола Иоанна Богослова, где я имел честь служить иереем», – писал отец Владимир. Он перечитал завещание дважды, решив, что бумага составлена толково.

Утром он найдет доверителей, оформит завещание у юриста и передаст в адвокатскую контору. Таким образом, имущественные вопросы будут как-то улажены. Завтра же Сальников сядет на поезд. О том, чтобы провести чемодан денег в самолете, нечего мечтать. Открыть счет, положить деньги в банк, чтобы потом обналичить их в Москве, невозможно. Придется открывать источники доходов, а таких источников у скромного иерея нет и быть не может. Дорога далека, предстоит доехать до Берлина, это займет примерно двенадцать часов, затем пересесть на поезд до Москвы. Выходит почти двое суток в дороге.

Глава 11

Нижний Новгород. 21 августа

Олег Решкин проснулся оттого, что кто-то потормошил его за плечо. Продрав глаза, он сел на кровати, посмотрел на циферблат часов, лежавших на тумбочке: четверть пятого утра. Свет горит, Колчин, одетый в куртку, вываливает из шкафа вещи на свою кровать и распикивает барахло по дорожным сумкам.

– Мы уезжаем, – сказал Колчин. – Собирайся.

– А что, собственно, за спешка? И почему я должен среди ночи... Не жравши...

Колчин застегнул замки чемодана и «молнии» сумки, присев в кресло возле кровати Решкина.

– Я вернулся из города. Разведка донесла, что на автомобильном рынке в Чебоксарах засветился «Форд Эксплорер» изумрудного цвета. Редкая машина в этих краях. Номера транзитные, документы оформлены на какого-то Морозова. Что за личность пока не известно. Но ты же узнаешь машину брата с первого взгляда?

– Не с первого. Но, пожалуй, узнаю, – Решкин, медленно просыпаясь, потянулся за сигаретой, крутанул колесико зажигалки. – А что это за разведка вам донесла, что братьев джип появился на рынке?

– Барыга там знакомый приторговывает, – без запинки соврал Колчин. – Я его заранее предупредил: если появится похожая тачка, свисни.

– У вас, между прочим, между пальцев бурые пятна, – Решкин прищурился. – А на рубашке брызги крови. Вы что, кого-то убили, пока я спал?

– Рубашку я сейчас сменю, в спешке не заметил, – кивнул Колчин. – А кровь на пальцах... Хочешь услышать правду? Короче, я помял бока и морду дежурному смены того вытрезвителя, где тебя продержали всю ночь и обчистили.

– Вы что, серьезно? – Решкин выкатил глаза.

– Серьезней не бывает. Можешь проверить, если сомневаешься. Позвонишь ему на работу, телефон у меня есть. Тебе ответят, что он в больнице, а в трезвяке этот приятель не покажется, по крайней мере, месяц. Такие дела.

– Это вы из-за меня? Изувечили мента? Ну, вы даете, – пепел сыпался на голую грудь Решкина, он этого не замечал. – Отделать мента. Из-за того, что меня обчистили в трезвяке. Просто дикость какая-то, в голове не укладывается.

– А что ему премию выписать за воровство?

– Не премию, но...

– Я думал, мы вроде как напарники, – пожал плечами Колчин. – Всегда и во всем должны помогать друг другу. Когда тебя обижают, мой долг заступиться. Восстановить справедливость. Я уверен, что случись такое со мной, ты бы обязательно поквитался с обидчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.